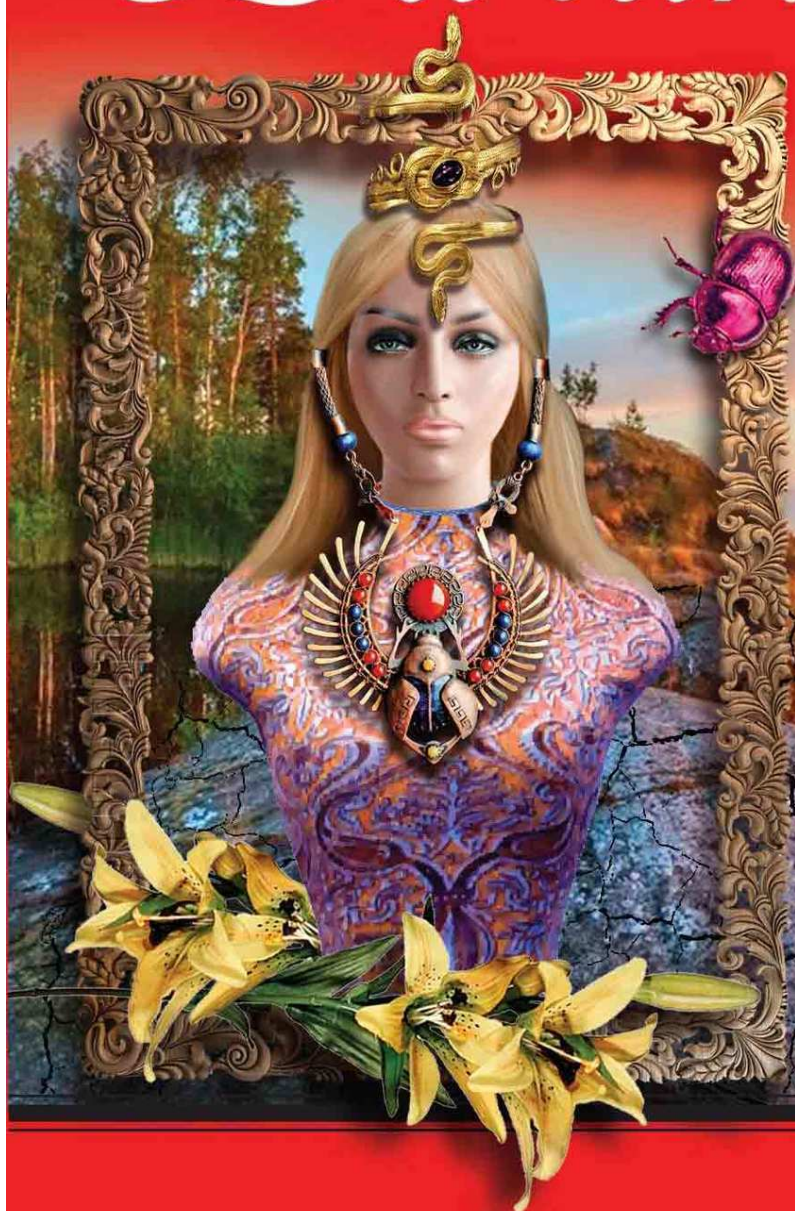

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Среди
ВОСКОВЫХ фигур

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Среди восковых фигур

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Среди восковых фигур / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2020 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-04-108439-4

Никто не верил бизнесмену Михаилу Кротову. Он заявил, что исчезла его девушка, но создавалось впечатление, что ее никогда и не было – никто не видел их вместе, не осталось даже следов ее пребывания в доме. Через некоторое время Кротов покончил с собой, наглотившись снотворного. Или это было убийство? От смерти Кротова выигрывает его давний друг и деловой партнер Бураков, но у него прочное алиби... Преподаватель философии Федор Алексеев познакомился с загадочной девушкой Лидией и всерьез увлекся ею. Общий друг пригласил их на фотосессию в музей восковых фигур, моделью для одной из скульптур которого стал в свое время Кротов. Но свидание не состоялось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108439-4

© Бачинская И. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Среди восковых фигур

*Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.*

*Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи.
Молись – безоблачному небу
и василькам в волнистой ржи...*

Владимир Набоков. Стихи

*Все действующие лица и события романа вымышлены, любое
сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор*

Пролог

– Подожди! Давай поговорим! Послушай!

– Ненавижу! Пошел вон! Не трогай меня! Некрофил чертов! Надоело!

Мужчина, схватив женщину за плечи, остервенело тряс ее. Разлетевшиеся длинные белые волосы закрывали ей лицо. Она кричала и вырывалась, пытаясь достать растопыренными пальцами его лицо. Ей это удалось, и на щеке мужчины обозначилась набухающая кровью царапина. Он взревел от боли и выпустил женщину. Она метнулась прочь. Он, опомнившись, рванул за ней, схватил за подол длинного платья, дернул. Она закричала, пытаясь вырвать платье. Он перехватил ее руки одной левой, а правой наотмашь ударил по лицу. Она закричала, перестала биться и в ужасе зажмурилась; он резко отшвырнул ее от себя. Не удержавшись на ногах, она упала на пол и затихла. Он стоял, тяжело дыша, рассматривая свои руки. Перевел взгляд на нее, сказал:

– Ладно, хватит театра, вставай. Согласен, я скотина, погорячился. Но и ты... – Он потрогал царапину на щеке, рассмотрел кровь на пальцах. Ухмыльнулся. Переход от бешенства к миротворению был мгновенным.

– Я же люблю тебя! И ты меня! Вставай!

Он смотрел на женщину на полу. Разметавшиеся длинные волосы, разорванное на груди пестрое домашнее платье, разбросанные в стороны руки. Вишневый лак на длинных ногтях. Широко открытые глаза, смотрящие в никуда. Она оставалась неподвижной.

– Вставай! У меня для тебя подарок! Ты давно хотела... Ну!

Он нагнулся, схватил ее руку и потянул. Ее тело показалось ему неестественно тяжелым. Голова женщины запрокинулась, острый подбородок уткнулся в потолок. На полу, там, где лежала ее голова, растекалась лужа крови. Оцепенев, все еще удерживая ее руку, он бессмысленно смотрел на ярко-красное пятно. Потом отпустил руку – тонко клацнули длинные красные ногти, голова с глухим стуком упала на пол. Машинально он отметил разлетевшиеся по полу кровавые брызги. Веки полуприкрыли глаза, и казалось, она смотрит издевательски... подглядывает! А губы растянулись не то в гримасе, не то в улыбке. Мужчина сглотнул, мгновенно трезвея и понимая, что произошло непоправимое, и все еще не желая верить...

* * *

...Темная неподвижная фигура на пороге спальни. Человек напряженно прислушивается к дыханию спящего. Поворачивается и, неслышно ступая, уходит. Спускается по ступенькам на первый этаж в гостиную, удобно усаживается на широкий мягкий диван, щелкает кнопками пульта. Плоский экран вспыхивает голубоватым светом. Человек «бегает» по каналам – живо мелькают лица людей, оскалившихся зомби, потусторонней нежити, морды животных и пришельцев из космоса, драки, убийства, реки крови, насилие, грубый секс, а в уши бьют рев, вой, скрежет, сливаясь в дикую какофонию. Он выключает телевизор, прислушивается. Поднимается с дивана, идет вверх, переступая через две-три ступени. Он полон ожидания, он чувствует, как колотится сердце, испытывает азарт, сглатывает комок в горле, сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Застывает на пороге чужой спальни, прислушивается. Подходит к спящему, наклоняется, пытаясь уловить звук дыхания. Человек в кровати недвижим. Голова его запрокинута, руки лежат поверх одеяла. Лицо спокойно. *Тот* наклоняется ниже, потом протягивает руку и после недолгого колебания прикасается пальцами к шее спящего. И не ощущает ничего. Он распрямляется, стоит с минуту, рассматривая сереющий прямоугольник рассветного окна, и выходит из спальни, не оглянувшись и не задержавшись на пороге.

Еще около часа сидит на диване, бессмысленно пялясь в пустой экран, выжидает, кусая ногти. Когда за окнами в утренних сумерках проступают ближние кусты и деревья, он поднимается и, внимательно оглядев комнату, идет в кухню, открывает дверь на заднюю террасу и выскальзывает из дома...

Глава 1

Так не бывает!

*С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!*

А. Кочетков. Баллада о прокуренном вагоне...

– Я дома! – Он с силой захлопнул за собой дверь, отшвырнул портфель, пробежал через большой холл в гостиную. Он соскучился, он был полон нетерпения, он рвал с себя галстук. – Заяц, ты где?

Молчание было ему ответом. Гостиная оказалась пуста. Плазма во всю стену светила мертвым экраном. На ковре лежали длинные красные полосы закатного солнца. Он застыл на пороге, недоумевая. Крикнул еще раз:

– Зоя? Ты дома?

И снова тишина в ответ. Перепрыгивая через три ступеньки, он помчался на второй этаж. Вбежал в спальню. Задернутые темно-зеленые шторы, зеленоватый полумрак, аккуратно застеленная кровать. Тихо, пусто.

Он звал женщину и бегал по дому, открывая двери в ванные, комнаты для гостей, кабинет, застекленную веранду. Выхватил мобильный телефон и набрал номер. Стоял, прислушиваясь, где зазвенит. Услышал, что номер не обслуживается. Упал на диван, бросив телефон на журнальный столик. Смотрел, ничего не видя, бессмысленно и сосредоточенно в пространство перед собой, испытывая уже не страх, а ужас. Ее украли! Выманили и увезли! Он недаром боялся...

Он вскочил и снова побежал наверх, в спальню. Распахнул дверцы ее шкафа и замер: там было пусто. Вчера здесь висели ее платья и блузки, нежные тонкие бело-зеленые... ей нравится зеленый... все оттенки, оливковый, изумрудный, цвет травы... Он подарил ей кольцо с бриллиантом и двумя изумрудами. Теперь шкаф был пуст. Он выдвигал один за другим ящики тумбочки, где, как он знал, хранилась всякая мелочь вроде бижутерии, шариковых ручек, шоколадок, салфеток... пусто. Она любила шоколад... Ты моя шоколадная мышь, говорил он, грызешь, как мышь, и зубки у тебя тоже мелкие и острые!

На столике трюмо, где еще утром было тесно от кремов и флаконов, пусто. В ванной ни купального халата, ни зубной щетки. Ее ночная сорочка! Но под подушкой тоже пусто...

Деньги! Толстая пачка в ящике письменного стола в кабинете осталась нетронутой. Сейф надежно заперт. Он машинально взял деньги, смотрел бессмысленно, отметив, что у него дрожат руки. Открыл серебряную шкатулку с «фамильными ценностями» – золотые часы и несколько золотых безделушек Лены... Медальон с их фотографиями. Она не любила золото, но – память. Все на месте. Он бессмысленно рассматривал медальон и часы. Коробочка с кольцом – тонкий платиновый ободок, бриллиант и два изумруда – на месте, в ящике письменного стола. Он помнил, как протянул ей коробочку и сказал: «Подарок!» И любовался ее радостно вспыхнувшими глазами и улыбкой. Она бросилась ему на шею...

В кухне царила идеальная чистота. Утром они вместе пили кофе. Он рассказывал ей про Руслана, друга детства и делового партнера, она хохотала. Ему нравилось, как она смеется, и он старался рассмешить ее. Кофе в черных шершавых керамических чашках, на его – размашистая лакированная надпись «Bistrot cafe», на ее – «Сарруссино». Руслан, Русик... занудный, мелочный, придиричивый! Трусоватый. С подозрительным взглядом и манерой грызть ноготь

большого пальца на левой руке – еще со школы. Прекрасный бухгалтер: ему было легче с цифрами, чем с людьми – люди от него шарахались. Он любил рассказывать о Русике, ему нравилось, как она смеется. Они сидели напротив друг дружки, он спиной к окну, она, наоборот, лицом, и он видел ее очень белую кожу, веснушки на переносице, ярко-рыжие, выющиеся мелкими пружинками волосы и светлые длинные зеленые глаза. Когда она смеялась, она запрокидывала голову, и он видел, как бьется синяя жилка у нее на шее. На ней было его любимое платье – длинное, зеленое, в мелкий белый цветочек. И была она босиком. Она любила бродить по дому босиком...

Она сидела у него на коленях... Какого цвета у тебя глаза, спрашивал он. Арктического льда, отвечала она. Ты не похожа на лед, говорил он. Ты теплая. Ты горячая!

*Вот ты прекрасна, подруга моя! Вот ты прекрасна! Глаза твои голуби! Скажи мне ты, кого любит душа моя?*¹

Ты еще меня не знаешь, отвечала она. Твои волосы пахнут сандалом, говорил он, зарываясь лицом в ее гриву. Да, потому что меня сделали из сандалового дерева. Как Буратино? Как Буратино. И нос у меня длинный. Не замечал! Ты вообще меня не замечаешь...

А голос! Негромкий, низкий, сипловатый... Воркующий. Скажи что-нибудь, просил он, когда они, обнявшись, лежали в постели. Скажи, что любишь... Люблю, люблю, люблю, говорила она прямо ему в ухо, это было щекотно, казалось, что в ухе сидит кто-то живой и шевелит лапками, его окатывало горячей волной, и он смеялся. Они вообще много смеялись, что на него не похоже...

Такой женщины у него никогда не было.

...Обе чашки стояли в буфете, вымытые, сухие. Клетчатое полотенце, такая же рукавица для горячего, сверкающая, чисто протертая столешница... Настя? Он выбежал из кухни, схватил с журнального столика телефон, набрал номер домработницы.

– Настя, это я! – Та забормотала что-то, но он, не слушая, закричал: – Настя, вы приходили сегодня?

– Сегодня не приходила, Михаил Андреевич. Вы же сами сказали не приходить. Еще пошутили, что даете мне отпуск, помните? А что случилось? Если надо, я мигом прибегу!

– Не нужно, извините, Настя. – Он щелкнул кнопкой, отключаясь. Откинулся на спинку дивана, закрыл глаза...

¹ Строки из «Песни песней Соломона» в пер. А. Эфроса.

Глава 2

Триумвират

Работая над решением задачи, всегда полезно знать правильный ответ.

Искусство научных исследований

Бар «Тутси»! Кто не знает бара «Тутси»? Городская достопримечательность, можно сказать, все знают. Во-первых, название. Не «Пир горой», не «Дикий Запад», не «Бирмаркет», не «Кружечка», не «Мистер Бочкин», не «Нью-ерш», не, не, не... сотни таких же безликих, неинтересных, банальных, избитых... Дальше сами. И вдруг «Тутси»! Как экзотический нездешний цветок! Каков креатив, а? А посмотришь на старого доброго Митрича, хозяина, так и не скажешь, что способен на подобный изыск. И правильно скажешь, потому что название придумала его матушка после просмотра одноименного фильма. Митрич же и понятия не имел, что такое «Тутси». Матушка просветила и потребовала. Митрич, как послушный сын, внял, хотя в голове у него крутились другие названия, очень душевные и родные, вроде: «Пир души», или «Золотое дно», или «Большая бочка». А тут вдруг какое-то «Тутси». Но с матушкой не поспоришь, тем более в качестве спонсора. Скрепя сердце, стесняясь, переполненный дурными предчувствиями Митрич взял под козырек. К его изумлению, сработало! И негромкий джаз, и девушка с романсами, и фото знаменитостей с автографами... тоже работа матушки. Как ни крути, старое поколение пока рано скидывать со счетов. Впрочем, нет, фотки – идея Митрича, он питает слабость к знаменитостям, своим и заезжим – в итоге все стены в картинках и автографах, прямо тебе краеведческий музей! Равно как и бутерброды с колбасой и маринованным огурчиком... в смысле, еще одно ноу-хау Митрича. Так и называются: фирменные Митрича.

Одним словом, или как сейчас говорят: *кароц!* – бар для среднего класса, среднего возраста, средней слегка ностальгирующей приличной интеллигенции и где-то богемы. Своего рода городская достопримечательность. И ни тебе шумных разборок, ни мордобоя, ни пьяных личностей... даже как-то непривычно и вроде чего-то не хватает, честное слово. Зато полно завсегдатаев, которые не столько завсегдатаи, сколько, можно без преувеличения сказать, семья. Взять, например, любимчика Митрича, золотое перо местного бульварного листка «Вечерняя лошадь» Лешу Добродеева, он же Лео Глюк, тиснувшего с добрый десяток хвалебных материалов про замечательный бар, обозвав его «культовым», «сакральным» и даже «вотивным»². Последнее пришлось смотреть в Интернете, хотя все равно не совсем понятно, что имелось в виду. Ну, да Леша Добродеев человек страстный, увлекающийся и восторженный. Или вот еще великолепная троица: философ Федор Алексеев, капитан Коля Астахов и Савелий Зотов, главный редактор отдела остросюжетной дамской литературы местного издательства «Арт нуво»! Именно здесь, в баре «Тутси», они щелкают как орех всякие криминальные загадки, а Митрич доносит до них *вокс попули*³ от своей матушки. И главное, у каждого своя роль в коллективе, что помогает рассмотреть ситуацию со всех сторон. Коля Астахов опытный опер с устоявшимися взглядами, колоссальным опытом, видящий насквозь любого отступника раньше даже, чем тот совершит противоправное деяние. Философ Федор Алексеев... Кстати, это сейчас он философ, вернее, преподаватель философии педуниверситета, профессор, а раньше был коллегой капитана, тоже капитаном. А потом вдруг одномоментно сменил военный мундир на академическую тогу, с головой ушел в науку, любит рассуждать, анализировать, особенно по ночам... Представьте себе: глубокая ночь, ветерок шевелит бал-

² Вотивный – в истории религии связанный с принесением даров.

³ Вокс попули – от лат. «vox populi» (глас народа).

конную занавеску, на небе полная луна, Федор бродит в Интернете. Задает вопросы, анализирует, соображает, думает. Если не над какой-нибудь исторической загадкой, то над очередной статьей для «Вестника философии». Рядом любимая кружка, уже третья или четвертая, с кофе, и фигурка танцовщицы Чипаруса с венского блошиного рынка, любимая, на которую он нет-нет да и взглянет. Ручки над головой, нежное личико, юбочка за колено, тонкие ножки... Одним словом, или снова *кароц* (которое, правда, тут как на корове седло, но отдадим должное современной народной лексике): философия его конек, так сказать, но... Опять! Всегда вмешивается это чертово «но» и сбивает с пути. Бродят в Федоре старые оперативные дрожжи, любит он всякие криминальные загадки, даже подумывает на досуге заняться детективной практикой. В смысле заявить о себе как о частном детективе. Добрый Савелий, между прочим, его всячески поддерживает, поощряет и готов помочь материально. Например, сейчас Федор занят эссе об идеальном убийстве. Казалось, ну что нового тут можно сказать? А Федор найдет, уж поверьте! Шестеренки в голове крутятся, дай бог всякому. Добавьте сюда приятные манеры, улыбку, от которой даже у Митрича замирает сердце, даром что мужик, и чувство юмора, за которое его обожают учни. Обожают и подражают: почти все молодые люди с факультета философии таскают на шеях длинные клетчатые черно-зеленые шарфы и носят длинные белые плащи, а Ленья Лаптев, летописец жития философа Федора, еще и черную шляпу с широким полями. Капитан Астахов называет друга пижоном и вешает на него всех аспиранток и холостых профессорш. Федор не спорит, только улыбается и пожимает плечами – он не привык говорить о своих отношениях с женщинами...

Савелий Зотов... Третий член триумvirата. Добрый порядочный человек, отец двоих детей, Германа и Насти. Не красавец, но, как всем известно, такой бонус от природы для мужчины необязателен. Оторван от жизни напрочь по причине прочтения массы дамских остро сюжетных романов. Между прочим, в свое время Савелий отбил у Федора девушку Зосю, на которой впоследствии женился⁴. Да, да, Савелий у Федора! Невзрачный Савелий у красавца Федора! И тот время от времени по-дружески упрекает друга, а Савелий смущается и оправдывается, чувствуя себя виноватым. Так они и живут.

Капитан Астахов при встрече у Митрича рассказывает о загадочном нашумевшем преступлении, имевшем место в городе, Федор выспрашивает детали, а Савелий Зотов проводит аналогию с детективным романом – абсолютно идиотскую, по мнению капитана. А Федор подливает масла в огонь, рассматривая ситуацию с философской точки зрения. Капитан хватается за голову и кричит, что они его окончательно достали своей мутной философией и бабскими книжками! А тут еще Митрич подкидывает дровишек от матушки... Хоть караул кричи!

Но как ни странно, мутная философия, бабские книжки, матушка Митрича... все это нестандартное, альтернативное и просто идиотское вкупе почему-то срабатывает! Выстреливает в цель. Капитан Астахов этого, разумеется, не признает, не тот он человек, чтобы признать, но в глубине души соглашается, что... ну да, ладно, есть что-то, совершенно случайно, разумеется, и пальцем в небо, но... да, хорошо, ладно, возможно, какое-то рациональное зерно имеет место быть.

Первым на точку явился Савелий Зотов. Как всегда. Он страшно боится опоздать и всегда приходит первым. Сердечно поздоровавшись с Митричем, Савелий занял их «отрядный» столик в углу, откуда видны бар и сцена, где под гитару поет романсы приятная девушка. Правда, не каждый день, а только по субботам. Митрич издали вопросительно вскинул подбородок, и Савелий покачал головой, что значило: пока не надо, вот когда придут Коля и Федор...

Минута в минуту появился Федор Алексеев, верный лекторской привычке приходить вовремя. Точность – вежливость королей, любит он повторять. Улыбнулся Митричу, пожал руку Савелию, сел.

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Убийца манекенов».

– Коля сейчас придет, – сообщил Савелий. – Я звонил, он в дороге.

– Как Зося? Дети?

– Хорошо. Тебе привет. А ты?

– В порядке.

– Знаешь, Федя, я тут подумал, а что, если махнуть на Магистерское? Как ты думаешь? Пока лето не кончилось, а? С ночевкой, как в прошлом году... Ведь хорошо же было!

– Было замечательно. Я только «за», Савелий. Сейчас спросим капитана, и вперед.

– Коля! – обрадовался Савелий, завидев входящего капитана. – Почти не опоздал.

Капитан Астахов подошел, сдержанно поздоровался. Митрич, убедившись, что есть кворум, уже поспешал со своей дребезжащей тележкой, полной даров.

– Митрич, добрый вечер! Ну и жарница! Пивко в самый раз! Что бы мы без тебя делали!

– Да ладно тебе... – Смущенный Митрич принялся разгружать тележку.

– Ваше здоровье! – Капитан припал к кружке.

Федор и Савелий переглянулись.

– Коля, что-нибудь случилось? – спросил Савелий, сделав глоток и отставляя кружку – он не любил пива и пил его исключительно за компанию.

– Когда? – горько спросил капитан, отставляя стакан. – Вчера? Сегодня? Только что?

Он был сильным и мужественным человеком, капитан Астахов, не раз бывавшим в переделках, но все мы люди и ничто человеческое... э-э-э... как там говорится? Иногда на него нападало настроение, которое он называл подведением итогов, а Федор – декадансом. Коля жаловался на собачью жизнь, глупое начальство, ненормированный рабочий день и грозился уйти к брату в бизнес. Это значило, что следствие застопорилось, свидетели путаются в показаниях, у главного подозреваемого железное алиби, разумеется, купленное, а начальство тербит и требует. К черту, кричал капитан. Задолбали! Заездили! На хрен! Хватит! Сколько можно! И еще всякие другие выразительные слова.

Федор и Савелий давали ему выговориться, не мешали, не лезли с утешениями; Митрич, соболезнуя, наблюдал издали. Капитан, выпустив пар, успокаивался и спокойно рассказывал, в чем дело.

– Когда? – горько спросил капитан. – В какую минуту моей раздолбанной, потерянной, конченной жизни?

Федор и Савелий снова переглянулись.

– Сегодня! – твердо сказал Федор. – Что случилось сегодня?

А случилось вот что. Начальник капитана полковник Кузнецов попросил его поговорить с одним бизнесменом, у которого пропала жена, и у него истерика. Кузнецову позвонил генерал Охрименко и попросил послать к бизнесмену толкового опера, пусть осмотрится, успокоит жертву и вообще пообещает, что проследит за поисками лично.

– Конечно, какой вопрос! Мне же не хрен делать, целыми днями плюю в потолок, кому как не мне вытирать сопلي какой-то истеричке и искать сбежавших дамочек!

– И что? – спросил Савелий. – Она действительно пропала или он ее убил?

– Ага, и закопал в саду, – буркнул капитан. – Она действительно пропала. Я выслушал кучу розовых соплей насчет неземной любви, прошелся по дому... У него домина в кооперативе «Октавия», что в Посадовке. Дамочки нет, нет также ее вещей, бижутерии, косметики... и так далее. Никаких следов. Причем не ссорились, не скандалили, никаких намеков на то, что она собирается освободить жилплощадь. Она ему не жена, а подруга. Но планы были. Познакомились примерно две недели назад, и она переехала к нему. Утром он на работу, она на хозяйстве... Зовут Зоя, фамилии он не знает, паспорта не видел, в телефон не заглядывал и очень оскорбился, когда я спросил. Пацанизм зашкаливает, а еще бизнесмен.

– Откуда она взялась? – спросил Федор.

– Познакомились в парке, где он обедал – пил кофе. Она сидела на скамейке и плакала. Он расправил мускулы и кинулся утешать, кончилось тем, что предложил остановиться у него. В нашем городе у нее парень, познакомились год назад в Египте, но по адресу такого нет, где искать, она не знает. То есть развел барышню, по ее словам. Она заявила, хотя никто не приглашал, и такой облом. Оказался негодяем. Хотя, с другой стороны, нечего переться без приглашения.

– Что значит «предложил остановиться у него»? – поразился Савелий. – Чужую женщину к себе в дом? Как это? А ее знакомый знал, что она приезжает? Она сообщила ему?

– Любовь с первого взгляда, – фыркнул капитан. – В твоих книжках разве не так? Насчет ее знакомого пострадавшему ничего не известно. Может, сообщила, а может, нет. Хотела устроить сюрприз. Фамилии новой знакомой он, естественно, не знает.

– А если она аферистка? Он проверил, деньги на месте? А если она его обокрала?

– Деньги на месте. Сейф не вскрыт. Никто его не обокрал. Более того, на месте кольцо с бриллиантом и изумрудами, которое он ей подарил. По цене приличной тачки. Согласитесь, выглядит нетипично.

– Может, он маньяк? Бил ее?

– Никого он не бил. Она просто испарилась.

– А ты что?

– Взял координаты экономки, на данный момент она в отпуске.

– Поговорил?

– Поговорил. Болтливая тетка лет пятидесяти, до сих пор в ушах звенит. – Капитан поматал головой. – Из тех, что суетятся, переставляют стулья и чашки, размахивают руками и мельтешат. Хозяин замечательный человек, таких поискать, умница, жена умерла от рака четыре года назад, тоже прекрасная женщина, он до сих пор не может забыть, богатый, умный, успешный бизнес, горит на работе.

– А про женщину что? – спросил Савелий.

– Про женщину... – Капитан помолчал, потом сказал: – А вот не скажу! Догадайтесь сами, если такие умные. Федор!

– Даже если она что-то видела, она не скажет, – сказал Савелий. – Предана хозяину. А беспризорные женщины из парка так просто от богатых бизнесменов не сбегают. Что-то здесь не так! Я бы обыскал дом. Чердак, подвал, сад... Все! Помню, в одной книжке...

– А вот этого не надо! – перебил капитан. – Никаких бабских книжек, мало мне своего горя. Федор! Какие версии?

– Версия одна.

– Интересно! Ну?

Федор медлил, подогревая нетерпение друзей. Сказал после паузы:

– Женщины не было, я думаю.

– Как это не было? – поразился Савелий. – Что значит... – он осекся. – Коля! А камера на входе у него есть? У всех сейчас камеры!

– Камера была, нерабочая. Федор прав, – неохотно сказал капитан. – Экономка понятия не имела, о чем я. Какая женщина? Никаких женщин в доме после смерти жены не было. То есть бывали, конечно, но случайные, не стоящие внимания. Одноразовые, как говорится. Она сейчас в отпуске, хозяин попросил не приходить, а до этого – никакой женщины, может, появилась, пока ее не было...

– Не может быть! – ахнул Савелий. – Как это? У него что, проблемы с психикой? Она ему привиделась? А ее фотографий в мобильнике нет? Сейчас у всех миллионы снимков!

– Не знаю, Савелий, я не доктор. Он был пьян, это да, насчет психа не уверен. Подробно описывал ее – длинные рыжие волосы, зеленые глаза, умная, с чувством юмора, ласковая... Идеал! Говорил, что она встречала его с работы, они обнимались, а после ужина танцевали...

Даже заплакал. Никогда не видел, чтобы мужик из-за бабы... – Капитан махнул рукой. – Ну, бывало по жизни всяко, тебя бросали, ты бросал, но чтобы вот так, до слез? Причем не хлюпик – крутой мужик, успешный бизнес. Да на него роem летят! А тут такая истерика. Уверен, что ее выманили и увезли силой. Приходили специально за ней, не грабители, так как ничего не взяли. Фото нет, я спрашивал. Сначала сказал, что да, есть, но оказалось, что нету. То ли ошибся, то ли... удалил. Или она удалила. И никаких следов! Тем более деньги целы и, главное, кольцо! Так не бывает, поверьте моему опыту. Ни булавки, ни губной помады, ни пуговицы. Ни-че-го. Я осмотрел спальню, ну хоть что-то, хоть волос на подушке... Ни фиги. Громадная кровать, небрежно заправлена, сразу видно, что прислуга в отпуске. Две подушки, на одной стороне – его – спали, на другой, похоже, нет. На тумбочке с его стороны фото в серебряной рамке – он с женщиной, видимо, женой – и пластиковая бутылочка с таблетками...

– Какими? – спросил Федор.

– Я записал, спросил у Лисицы. Говорит, снотворное, довольно сильное. Еще пара смятых счетов. То есть как бросил, так и лежат, никто там не прибирался. Тумбочка с ее стороны пуста, на туалетном столике никаких следов от косметики. Или ничего не стояло, или протерли. Даже пыли нет. Та же история в ванной. И всего один комплект полотенец. Потому и пошел к экономке. А как ты догадался?

– Из стилистики твоих ответов.

– Чего? – приподнял бровь капитан.

– Савелий спросил, не обокрала ли его эта женщина и не бил ли он ее. Ты ответил, что «никто его не обокрал и никого он не бил». Странная конструкция фразы... Нормально было бы ответить, что она его не обокрала и он ее не бил. Это первое. Второе. Дело пустяковое – все, что от тебя требовалось, это выслушать и пообещать, что заявление у него примут, а ты отправился к экономке. Причем никаких подозрений насчет возможного убийства у тебя не возникло, тела не нашли, в саду ничего подозрительного... Я уверен, ты попросил показать сад. И третье. Фамилии он не знает, паспорта не видел, в телефон не заглядывал, фото нет. Деньги и кольцо на месте. – Федор замолчал.

– Все?

– В принципе, все. Если не считать твоей загадочной физиономии и упоминания всяких мелких деталей, что абсолютно не в твоём стиле. Я прав?

– Прав, – неохотно признал капитан.

– Что сказал охранник?

– Охранник ничего не видел, и о том, что у Михаила Андреевича живет женщина, понятия не имел. Тот каждый день в восемь на работу, в восемь с работы. Все. У них там мышь не проскочит. Во всяком случае на тачке. Мышь на тачке, Савелий, – сказал он, видя, что Савелий открыл рот. – Забор имеется, но без колючей проволоки. Пострадавшего зовут Михаил Андреевич Кротов. Занимается строительством, между прочим, кооператив «Октавия» его рук дело. Красивые дома, причем все разные. Дельный нормальный мужик, пока не доходит до баб. Пардон, до прекрасного пола... Ее зовут Зоя. Звали.

– Мышь не проскочит на машине, а пешком вполне, – заметил Федор. – Через дырку в заборе. Мы все глупеем, когда доходит до... них. То, что охрана не видела в его машине женщину, не говорит о том, что ее не было. Охранники, как правило, знают машины жильцов наизусть, пропускают, не глядя, и присматриваются только к чужим машинам.

– Согласен. Насчет мыши не знаю, не проверял. Лично я не глупею.

Федор позволил себе улыбнуться.

– А что теперь? – спросил Савелий. – Завтра он придет к вам с заявлением... и что? Примете?

– Примут, Савелий. Не могут не принять. Мы предположили, что ее не существует, чисто гипотетически, исходя из ряда странностей и полного отсутствия следов, но к делу этого не

подошьешь. Надо бы опросить соседей, еще раз охранников, коллег и друзей бизнесмена... Невозможно прятать человека почти две недели, не в лесу живем, где-то что-то вылезло бы... если было чему вылезать. И проверить, может, он на учете в диспансере. Коля, а он случайно не алкоголик?

Капитан пожал плечами:

– Я же сказал, он был подшофе. Но в драку не лез, посуду не бил и не матерился. Был тихим и нежным, плакал. Предложил поддержать компанию.

– А ты?

– А я... Отказался, конечно! – с горечью сказал капитан. – Отличный коньячок, между прочим. Вот так всю дорогу жизнь проходит мимо. Он пил, я смотрел и слушал всякие... э-э-э... Одним словом, слушал.

– А может, это идеальное убийство? – предположил Савелий.

– А где труп? – спросил капитан. – Ох, Савелий! Да и не пошел бы он заявлять, если бы убил, не стал бы суесться. Да, да, знаю, по статистике, семьдесят процентов заявителей, как правило, причастны. Тем более сожитель. Но тут особый случай. Ее никто в городе не знает, ни друзей, ни знакомых, исчезни она, никто не почесался бы и не спросил, куда она делась. Что, собственно, имеет место быть. Не дурак же он, чтобы так засветиться.

Савелий с сомнением кивнул.

– Савелий, а что такое, по-твоему, идеальное убийство? – спросил Федор.

– Ну как же! – заволновался Савелий. – Убийство в закрытой изнутри комнате! Когда есть труп, но нет убийцы и подозреваемых. То есть убийство остается нераскрытым. Об этом написаны десятки романов...

– Я бы сказал иначе, Савелий. Идеальное убийство – это не то, которое не раскрыли, а то, по которому осудили невиновного и поставили точку. Как тебе такая история: в Англии в позапрошлом веке некая женщина убила мужа ножом. Он напал на нее с топором, она защищалась. Накануне она случайно наткнулась на его дневник, где он описывал четырнадцать способов убить ее, и была настороже. Ее оправдали. А спустя почти век некий дотошный историк-криминалист, разбирая старые дела, обратил внимание на то, что почерк мужа в дневнике отличается, – в тексте про убийства супруги он явно подделан. То есть те куски писал не он. Вот это называется идеальным убийством, Савелий.

– То есть он не собирался ее убивать?

– Нет. Это она собиралась его убить, возможно, с сообщником. И убила, выйдя сухой из воды. Допускаю, что такие случаи имеют место и в наше время...

– Сейчас такой номер не прошел бы, – заметил капитан. – Не переживай, Савелий, криминалисты – дотошные ребята, их на мякине не проведешь.

– А может, она правда была, и ее парень... к которому она приехала, ее нашел или ответил по телефону, и она ушла к нему. А сказать этому, новому, постеснялась...

– Видишь, как ты все красиво разложил, – похвалил капитан. – Может, так оно и было. Надо будет еще с матушкой Митрича посоветоваться. А чего это мы сидим, как на празднике в детском саду? Пиво греется, фирменные Митрича скучают. Предлагаю выпить за подруг, которые...

Тут следует пояснить насчет странного замечания капитана о детском садике. Дело в том, что пару лет назад Савелий пригласил друзей на новогодний утренник в садик своей дочки Настеньки. Федору утренник понравился, он любит детей и однажды все лето проработал воспитателем в старшей группе – писал статью о творческом начале у детишек. Капитан же едва дождался окончания праздника, вылетел оттуда пулей и до сих пор вспоминает с содроганием.

– ...которые нас не бросают! – выпалил Савелий.

– Даже не знаю, Савелий, я бы не стал настаивать на твоей версии, иногда пусть бросают и... – капитан махнул рукой, – скатертью дорога!

Савелий и Федор переглянулись, и Федор снова позволил себе улыбнуться. Оба прекрасно поняли, что Коля имеет в виду свою гражданскую жену Ирочку, легкомысленную почти модельку известного кутюрье Рощенко, Рощика для своих. Вся команда Рощика, включая его самого и, разумеется, Ирочку, была незрелой, славилась дурацким поведением, крикливостью, раздражающей капитана манерой лобызаться по три раза при встрече, пачкая щеки помадой и слюнями... И главное, кидаются так, что хрен увернешься! Особый счет к «этой банде» у консервативного капитана был за нелепые пацанские одежки *самого*, который, например, любил эпатировать публику солдатской шинелью, широченными белыми слаксами и красными борцовскими ботинками. Еще всякими мелочами вроде здоровенных круглых очков в красной оправе, красной же бейсбольной шапочкой козырьком назад и длинными нечесаными патлами при лысой макушке. А Рощик, наоборот, питал к капитану слабость и всякий раз норовил облобызывать... И главное, хрен увернешься!

Читатель, возможно, спросит, почему Ирочка была почти моделью, а не полностью. Очень просто! Она была крохотная, как дюймовочка, и выпускали ее на подиум только в случае внезапной болезни или похмелья какой-то из двухметровых моделек. Эх, мать, тебе бы росточка добавить с метр, любил повторять Рощик, цены б тебе не было! А пока Ирочка отвечала за: сварить кофе, пришить-отрезать, подогнать, сгонять в магазин за бухлом и сложить отработанные модели. Об Ирочке можно написать книгу. Безалаберная, рассеянная, добродушная, не интеллектуальный гений, отвратительная кухарка, соня, дрыхнущая до полудня, потому что накануне завалилась домой за полночь, причем навеселе. Коля отрывался на подруге от души, назидал, воспитывал, учил жить, а Ирочке как с гуся вода. Прекрасный характер! И вот поди ж ты! Уже несколько лет держатся вместе, не разбежались. Правда, был момент... Когда Ирочка разбила машину капитана, новенькую «Хонду», братьев подарок – потащила кататься после корпоратива весь модельный цех. Ночью! Все восемь рыл! К счастью, никто не пострадал. Кроме бедной «Хонды». «Убью! Все, хана! К черту!» – ревел капитан, потрясая кулаками. Но потом как-то улеглось...

Они подняли бокалы и выпили.

Глава 3

Мастерская творца

Никем не превзойденный мастер...

...Душа рассудок научила

Любить, сама же пала в прах.

Игорь Северянин. Брюсов

Представьте себе громадный подвал, залитый светом софитов, на столах вдоль стен кипы рисунков и фотографий, мужские и женские пластилиновые и гипсовые головы с белыми слепами невыразительными лицами; отдельно на столах кисти рук – больших, маленьких, сцепленных в кулаки, с растопыренными пальцами; тут же коробки со стеклянными глазными протезами разных цветов: голубых, карих, черных; отдельно пара массивных, тяжелых форм-ванн, в которых гипсовые головы заливают горячим воском. Резкий запах технических жидкостей и лаков. На круглом столе в центре помещения стоит женская восковая голова, покрытая специальным лаком, с голым черепом, но с широко расставленными глазами, карими, отчего кажется, что женщина живая и смотрит на зрителя. У нее нежная полупрозрачная кожа, подкрашенные румянами щеки и губы, растянутые в легкой улыбке, а также ямочки на щеках и подбородке. Сочетание голого черепа и «живого» лица производит жутковатое впечатление.

По стенам висят большие цветные фотографии восковых фигур Богородицы из европейских церквей. Воск, как известно, издавна считается священным материалом, а пчелы – символом непорочной Девы Марии. Печальные нежные склоненные личики с легким румянцем, в зубчатых коронах, украшенных жемчугами и разноцветными драгоценными камнями, в бесценной золотой парче. Воск – благодарный материал, прекрасно передающий особенности человеческой кожи, к тому же он легко раскрашивается.

Таково вкратце описание мастерской скульптора, работающего «по воску». Мастер, Ростислав Мирона, – крупный мрачноватый мужчина в рваных джинсах и бесформенной рубашке до колен; длинные черно-седые нечесанные кудри падают на плечи, блестит цыганская серьга в левом ухе, а в вырезе рубашки видны ладанка на черном шнурке и серебряный крестик; в крупных руках, испачканных красками и лаками, мастер держит кусок картона с наброском женской модели, оригинал для лепки. По-бычьему нагнув голову, он сосредоточенно рассматривает восковую голову, сравнивая с эскизом.

Часы на площади отбивают четыре удара, потом еще три. Три ночи, или три утра, как вам будет угодно. Мастер отшвыривает картон, заносит кулак над восковой головой, замирает. Он недоволен результатом. Он редко бывает доволен результатом...

Он уходит из мастерской. Гаснет свет. В подвале воцаряются кромешная тьма и глубокая тягучая тишина. Ни звука, ни луча света... Мертвый, безжизненный мир гипса и воска...

Шаркая ногами, Мирона идет через большой выставочный зал в свой закуток, где втиснуты топчан, тумбочка с посудой и газовая плитка с чайником и кастрюлей. Здесь же умывальник и кран.

Выставочный зал – холл бывшего молодежного театра, а до этого – Дворянского собрания. Двенадцать фигур в зале, тринадцатая в мастерской – итог трех лет работы. Мастер недоволен тринадцатой моделью, женой местного воротилы, глупенькой невзрачной дамочкой с претензиями, которая хочет быть столбовой дворянкой, а данных с гулькин нос, даже меньше. Жалеет, что согласился, но уж очень просили. Да и деньги не лишние. Не цепляет. Мирона смотрит волком и сжимает кулаки: эта дурочка думает, если есть деньги, то можно купить мастера и потребовать. Ладно, хрен с ней! Хочет китч, получит китч. Тринадцатая! Ну и черт с тобой. Двенадцать есть в наличии. Двенадцать – конец цикла. Сложилось магическое число.

Двенадцать апостолов – творческий путь мастера, итог денных и ночных усилий. Каждый год добавляется шедевр, совершенство, остальные – проходные пешки. Дилетант не усмотрит разницы. Мастер знает. Сцепив зубы, избегает смотреть в сторону *тех*, зато подолгу стоит перед совершенными, рассматривает всякий раз, словно видит впервые. Каждая морщинка, каждая ресничка, каждая ямочка, полуулыбка, сведенные брови, даже бородавка... все совершенно! Живые, с характером, даже с норовом, с мыслями в восковых головах. С блестящими глазами, ухмылками и усмешками, колючим или коварным взглядом. Живые! С ними можно разговаривать. Они отвечают. Смеются. Вздыхают. Лукавят. Грустят. Добрые. Злые. Подлые. Лживые.

Не забыть сказать про одежду! Цвет, драпировки, украшения... Это тоже искусство – подобрать аксессуары, чтобы раскрыть истинное лицо. Выбрать фигуру, историческую личность и проявить суть – тоже искусство. Но это уже потом, это десерт, а главное – восковый человек! Лицо! Десятки эскизов, часы работы с живым оригиналом, попытки схватить и вытащить сущность – то, что прячется внутри, за словами, гримасами, масками. Вытащить, прибить гвоздями и прокричать: вот оно! Кто-то из великих сказал, что маски защищают от мира и зла, сорви их – и человек беззащитен. Беззащитен, слаб, наг... червь под ногами Мастера!

Везде в природе и мироздании двенадцать – гармония, совершенство и равновесие. Двенадцать апостолов, двенадцать титанов, двенадцать месяцев, двенадцать знаков зодиака, число-символ Солнца и Луны, символ «философского камня» и божественного круга, вращающего вселенную, двенадцать часов дня и ночи, космический порядок, пространство, время, колесо возрождения.

Двенадцать. Конец цикла. Время трогаться в путь и начинать новый.

Он останавливается около любимой модели. В жизни ее зовут Саломея. Древнее языческое имя, полное мрачной энергии и тьмы. Когда он увидел ее в первый раз, совершенно случайно, то был потрясен. У него даже пальцы сжались, он представил, что сжимает карандаш. Саломея Филипповна, личность в городе известная, знахарка и ведьма. И внешность у нее соответствующая. Исполинского роста, с жесткой черно-седой гривой, сильным мрачным лицом... Официально – ветеринар. И черная собака ходит следом. Зовут Альма. Она сидела на скамейке в парке, ела что-то, бросая куски собаке. В длинной черной юбке, в длинной блузе, синей, в мелкий белый цветочек, с дикими распушенными полуседыми патлами. Юродивая? Он подошел ближе, уставился, перебегая взглядом с ее смуглого лица с крупными, замечательной лепки чертами на большие руки. Его трясло. Это была его женщина. В ней было совершенство, не испоганенное краской и бутафорией, без малейшей попытки украсить себя, так редко встречаемое теперь в людях.

Почувствовав его взгляд, она глянула на него. Он невольно выпрямился и сглотнул.

– Садись, – сказала она сипловатым голосом, кивая на скамейку. – В ногах правды нет.

Он почти упал рядом с ней. Молча. Собака вздыбила загривок и зарычала.

– Альма, фу! – сказала женщина. – Свой. Хочешь? – Она протянула ему кусок хлеба. – Ломай! Люблю съесть хлебец на воздухе. Задержалась в городе, оголодала.

Мирона, покосившись на собаку, протянул руку, осторожно отломил кусочек.

– Ты кто?

– Ростислав Мирона.

– А по батюшке?

– Иванович. Можно Ростислав.

– Не спеши, Ростислав Иванович. Без отчества человек вроде голый, беззащитный, надо с отчеством.

Он вздрогнул: маска! Отчество – та же маска! Она говорила его словами.

– А делаешь что?

– Я скульптор. Художник.

– Скульптор? Людей лепишь? А я Саломея Филипповна, ветеринар. Людей тоже могу, все божья тварь. Будем знакомы.

Они ели хлеб. Она доела, встала:

– До свидания, Ростислав Иванович, будь здоров.

– Подождите! – вырвалось у него. – Где я вас найду?

– Зачем? – она уставилась на него черными бездонными глазами.

– У меня мастерская, я хочу вас лепить... Пожалуйста! Для музея.

– Для музея? Зачем?

– Музей восковых фигур, мэр дал денег и дом, где молодежный театр.

– Как в Лондоне? Мадам Тюссо? Внук был, рассказывал. Не знала. У нас в городе много народу, я тебе без надобности. Да и времени у меня нет.

– Мне нужны вы! – выкрикнул Мирона, хватая ее за руку. Альма зарычала. – Пожалуйста! – Он чуть не плакал. – Вы не понимаете! Вы... вы... Пожалуйста!

– Успокойся, Ростислав Иванович. Прямо как дитя малое из-за игрушки. Пару часов тебе хватит?

– Да! Да! – заторопился Мирона. – Несколько часов, потом... еще. Я постараюсь побыстрее. Спасибо!

...Женщина во весь рост, в черном балахоне смертника и капюшоне, с длинной спутанной черно-седой гривой, с пронзительными черными глазами и страшной улыбкой. К ее ногам жметесь белый волк с оскаленной пастью, тут же пара вязанок хвороста. Мирона наклоняется, нажимает на кнопку, запускающую крошечный вентилятор, спрятанный в прутиках. Легкий шум воздушной струи, и кверху взвиваются полоски красного шелка – имитация языков пламени. Он отступает, чтобы охватить взглядом ее всю. Ведьма вытянула руку, грозит и проклинает, яростно тыча в толпу скрюченными костлявыми пальцами, взгляд неистовых черных глаз прожигает насквозь.

– Я вернусь! – вопит ведьма. – А вы все подохнете в мучениях! Проклинаю! – В уголке ее рта застыл белый комочек слюны.

Мурашки по коже...

Мирона невольно оглядывается и замирает – ему чудится некий звук, шорох шагов, скрип отворяемой двери. Показалось! Все тихо в старом доме. Тихо и пусто. Восковые куклы неподвижны.

Тяжело ступая, он идет к себе, наливает в чайник воды, ставит на огонь. Тяжело садится на топчан, ждет, пока закипит. Не вставая, достает из тумбочки пачку чая, встряхивает в чашку. Потом сует руку под топчан и вытаскивает бутылку водки...

Глава 4

Столкновение

*Только раз бывает в жизни встреча,
Только раз судьбою рвется нить...*
Павел Герман. Романс «Только раз...»

Философ Федор Алексеев сидел под зеленым зонтиком уличного кафе «Паста-баста», пил кофе и черкал ручкой в блокноте. Утром народу было немного, он наслаждался покоем и относительной тишиной, в которую органично вплетались голоса, шаги и далекие шумы улицы. Столики здесь отделены один от другого куртинами вьющегося плюща и горшками с деревьями, что создает атмосферу уединения – никто не заглядывает в тарелки. Правда, голоса слышны, и если кто-то хочет подслушать, то милости просим. Хотя, кому оно надо? Через столик от Федора кто-то невидимый пил кофе, остальные были свободны. Невидимому позволили, его мобильный телефон взорвался пронзительными аккордами «Голубой рапсодии», и знакомый голос заорал:

– Ты, пьявка! Ах ты!.. Ни хрена не получишь! Выкуси! Я труп?! Давай, с флагом! Это я тебя в гробу видал! Ага, напугал ежа голой жопой! Да пошел ты!

Невидимый заворачивал те еще словеса, но приводить здесь их полностью автор не считает возможным.

Федор узнал голос. Это был его добрый знакомый, дипломированный фотограф Иван Денисенко, человек талантливый, безудержный и, разумеется, пьющий, как полагается всякому таланту, на которого давит несовершенство мира. В данный момент он тоже был, похоже, на рауше, несмотря на ранний час, – уж очень кричал! Растроганный Федор прислушивался к ненормативному реву Ивана, восхищаясь смачной лексикой и образностью сравнений.

Тот, между тем закончив разговор, чертыхнулся, швырнул телефон и завопил: «Девушка!» Федор видел, как стоявшая у двери в кафе официантка, тоненькая девчушка в джинсах и длинном черном переднике, порхнула к гостю. «Стеллу!» – скомандовал Иван. – Два полста!»

Федор, недолго думая, подхватил чашку с кофе и подошел к столику Ивана.

– Философ! Федя! – обрадовался Иван, вскакивая ему навстречу.

Федор поставил чашку на стол, и они обнялись. Иван, будучи человеком эмоциональным, даже прослезился. Надолго принял к Федору, хлопал по спине и растроганно бубнил:

– Федя, дружан! Сколько лет, сколько зим! Старик! Глазам не верю! Вот свезло так свезло! Не поверишь, часто думаю о тебе, вспоминаю старого Рубана и ту дикую историю... Если бы не мы, там всех бы замочили! Эх, было время!

«Мы», конечно, громко сказано! Не «мы», а Федор Алексеев! Спишем неточность на эмоции художника. Как бы там ни было, Иван оказывал посильную помощь в истории раскрытия ряда убийств под Новый год в доме известного скульптора и его молодой супруги⁵.

– Девушка! – закричал Иван. – Еще полста!

– Не нужно пива, – запоздало сказал Федор.

– Так у них больше ничего нету! Мы по чуть-чуть, за встречу!

Девчушка принесла поднос с бокалами.

– Вот она, жизнь, Федя, годы идут, мы стареем... – ностальгически заметил Иван, допив пиво. – Вот ты философ, Федя, умные книжки читаешь, вот и скажи, в чем смысл? Не пове-

⁵ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Ночь сурка».

ришь, иногда повеситься хочется! Так бы взял и повесился, ей-богу. Народ вокруг примитивный, выпить да пожрать, на искусство плевать с высокой колокольни... Как жить дальше? А? Скажи!

– Что-нибудь случилось?

– Случилось... – горько произнес Иван. – Вот загребут меня лет на десять... Будешь передачи носить?

– Загребут? За что?

– За лишение жизни. Требуют долг, а у меня по нулям. Придется дезавуировать, а как иначе? Или он меня, или я его. Терциум нон датур, как говорится. Третьего не дано. Двоим нам под солнцем тесно.

– Карты?

– Они, проклятые. Друг обещал подкинуть, меценат, отличный мужик, выпито вместе море разливанное. В прошлом году помог с выставкой в галерее, не жмот. Девушка! Еще пива! Я тут альбом для Регины снимаю, тоже набежит копейка, хотя она девка скандальная. И то ей не так, и это, кто бы понимал!

– Как там Регина? Они еще не поубивали друг дружку? Ты все еще с ними?

– Работа на публику, Федя! Регина простая баба, ей лишь бы поорать, особенно под этим самым делом. – Иван щелкнул себя пальцами по горлу. – А Игорек иезуит и характер как у кобры – она не догоняет половины его словес, причем каждый думает, что вставил другому фитиля. С ними, куда же я денусь, хоть какое-то творчество, а то свадьбы уже задолбали. Пове-ришь, всю дорогу одно и то же! Он ее на руках едва держит, того и гляди, пупок надорвет, у пушек, у парапета с видом на реку, на фоне стола с майонезами, первый танец, пятый поцелуй, рыдающая мамаша, папаша глаза в кучу не сведет... и всякая фигня в том же духе. Идиотизм! А морды гостей, а драка! Бывает, предложу креатив, память же на века, так нет! Нам чтобы у пушек и на руках! А то еще на ладони. В смысле он протянул руку, а она стоит подальше и вроде как у него на ладони. Классика. Ладно... – оборвал себя Иван и махнул рукой. – А Регина и Игорек ребята хорошие, платят неплохо, не жлобятся, да и девочки приятные. Бывает, при-гласишь поужинать, а потом закатаешься на дачку...

Регина Чумарова и Игорек Нгелу-Икеара были деловыми партнерами, совладельцами дома моделей «Икеара-Регия» и заклятыми врагами⁶. Регина руководила финансами, Игорек творческим процессом – оба ревниво пресекали попытки друг дружки вмешаться в «чужую» сферу. Иногда доходило до драки, причем в самом прямом смысле. И Регина и Игорек трепетно относились к Федору – им довелось пересечься еще в бытность того оперативником по делу о самоубийстве мужа Регины. Регина любила повторять, что, эх, была бы она помоложе! Игорек закатывал глаза и иронически хмыкал. Иван Денисенко готовил для их дома моделей сезонные буклеты.

– Между прочим, одна такая сейчас на подходе, – самодовольно сообщил Иван. – Опаз-дывает. Почему они считают, что должны опаздывать? Вот объясни мне, Федя, как фило-соф. Думают, больше ценить будут? Разогревают? Снисходят? Набивают цену? Почему, Федя? Лично у меня была только одна женщина, которая приходила вовремя, я позвал замуж, а она отказала... – Иван вздохнул. – Настоящая. Трое детей, между прочим. Или даже четверо. Вели-кий человек велик во всем. Как она радовалась, когда я дарил ей цветы! Никаких понтов, все как на духу. Моя выставка ее потрясла, она даже заплакала... Такие женщины штучная работа, одна на миллион.

– Почему же она отказала? – спросил Федор.

Иван пожал плечами:

⁶ Читайте об этом в романе И. Бачинской «Лучшие уходят первыми».

– Наверное, не любила. Или... – Он задумался. – Или побоялась начинать с нуля, четверо детей все-таки и какой-никакой муж в наличии. Так почему они опаздывают, а?

– Ты же сам ответил...

– А сколько ты обычно ждешь? Час? Два?

– Когда-то долго, сейчас, наверное, нет...

– Почему?

– Старый стал, – усмехнулся Федор. – Да и некого. А если есть, то отношения спокойные, деловые, как у семейной пары со стажем. Метания, ревность, дежурство в кустах под домом... Все это атрибуты сладкоголосой птицы, все в прошлом.

– Какой еще птицы?

– Сладкоголосая птица юности... Есть такая пьеса.

– Не слышал. Посмотрю в Вики. Ты очень умный, Федя, потому и нет никого. Страсть и разум вещи несовместные, поверь моему опыту. – Иван горько покачал головой. – Женщины любят веселых, а не умных. Пусть даже алкаш, лишь бы не яйцеголовый.

Федор улыбнулся и кивнул.

– Вот вы где! – воскликнул высокий женский голос у них над головой, и оба вздрогнули. – Заждались?

Около их столика стояли две девушки.

– Владочка! Деточка! – Обрадованный Иван вскочил. – Я уже думал, что-то случилось! Это мой друг Федор Алексеев, профессор философии, между прочим.

Федор поднялся.

– Это Лидия, моя подруга. Добрый день, Федор. Разве сейчас есть философия? Ну, в смысле, это же когда-то в древности?

– Для продвинутых есть, – сказал Иван, подмигивая Федору. – Садитесь, девочки! Федя, усаживай Лидочку!

– Нам капучино! – потребовала Влада.

Лидия промолчала. Иван громогласно звал официантку, Федор украдкой рассматривал девушек. Влада была яркой пышной блондинкой под метр восемьдесят, что подчеркивалось высокими каблуками. Все в ней было слишком, все гротеск – и леопардовая шкура, едва прикрывающая ягодички, и длинные до пояса белые волосы, и сверкающая бижутерия на шее, руках и в ушах, и обилие краски на лице. Голос – высокий, резкий, кукольный – входил в диссонанс с внешностью, ей бы говорить басом и печатать слова, а она пищала. Иван пожирал Владу глазами и держал за ручку; Лидия неопределенно улыбалась, не поднимая глаз, рассеянно помешивала ложечкой в чашке. Была это изящная девушка с приятными чертами, ненакрашенная, в белом коротком платье-тунике с открытыми руками, ее светло-русые волосы были скручены в узел на затылке, что по понятиям Федора выглядело старомодно, но мило. В ней чувствовались основательность и серьезность не по возрасту – как он прикинул, ей могло быть около двадцати двух, двадцати трех. Если с Владой Федору было все ясно, то Лидия вызывала любопытство нестандартностью и непохожестью на подругу – непонятно, что их связывает. Он так увлекся, рисуя мысленно портрет девушки в белом, что вздрогнул, когда Иван тронул его локоть и прокричал:

– Федя, Влада спрашивает, как поступить к тебе на философию?

– Поступить? – не сообразил Федор.

– В смысле желающих мало, берете всех! А с дипломом потом можно устроиться куда угодно.

Федор взглянул на Лидию, она улыбалась, по-прежнему помешивая ложечкой в чашке.

– Как обычно, сначала вступительные экзамены, – сказал он. – Желающих немного, да.

– У вас там одна болтология, а я кого хочешь заговорю! – расхохоталась Влада. – А что, буду писать в резюме, что учусь на философа! Капец! – Она достала из леопардовой торбы айфон: – Диктуй номер! Жди, позвоню!

Обалдевший Федор продиктовал. Иван ухмылялся, Лидия по-прежнему неопределенно улыбалась. Федор чувствовал себя дурак дураком, не представляя, как прекратить нелепую сцену. Ему пришло в голову, что глупый и напористый человек зачастую становится хозяином положения. Да что там зачастую – всегда!

– Уже двенадцать! – спохватилась Влада. – Иван, у меня полтора часа! Нам пора, а то не успеем.

Иван поспешно вскочил, выгреб из кармана несколько смятых купюр, бросил на стол.

– Чао всем! – пропела кукольным голоском Влада и, покачивая бедрами, пошла к выходу. Иван снова подмигнул Федору и побежал следом.

Видимо, на лице Федора отразилась оторопь, потому что Лидия, впервые подняв на него взгляд, сказала, рассмеявшись:

– Иван обещал устроить ее в дом моделей, у них фотосессия...

– «...а не то, что ты подумал», – мысленно закончил ее фразу Федор и тоже рассмеялся.

У нее были очень светлые голубые глаза.

– Вы кто? – спросил Федор. – Тоже модель?

– Ну что вы! Учусь на инязе, третий курс. Часто вижу вас в институте, много о вас слышала. Ваш студент Леня Лаптев в вас влюблен... Они все!

– Да уж... – Федор сделал вид, что смутился. – А Влада... – Он хотел спросить, что их связывает, но осекся, решив, что это не его дело.

– Влада моя соседка, выросли в одном дворе. Столкнулись утром, и она потащила посмотреть на знаменитого фотографа. А тут вы! Иван ваш друг?

– Да. Мы знакомы целую вечность.

– Он вас тоже фотографирует?

– Нет, – Федор снова рассмеялся. С ней было легко, и улыбка у нее была приятная. – Мы с ним говорим о смысле жизни.

– Ну да, вы же философ! И в чем смысл?

– У всех разный. Вот у вас, например, в чем?

Она пожала плечами:

– Окончить институт, найти хорошую работу, быть независимой. Самое главное – быть независимой.

– Девушки обычно хотят выйти замуж за олигарха...

Она смотрела на него своими светлыми голубыми глазами, и было что-то в ее взгляде, что Федор определил как снисходительную мудрость взрослой женщины, слушающей незрелого подростка.

– Вы сами сказали, у всех смысл разный. А у вас?

– У меня? – Федор задумался.

– Леня сказал, вы раньше работали следователем, и сейчас тоже без вас никуда, щелкаете всякие криминальные загадки с философской точки зрения, что у вас свое особое видение...

– Мой друг-оперативник называет это мутной философией.

– Ну... я бы сказала, что философия всегда немного мутная и зависит от личности философа.

– По-вашему, я мутная личность?

Лидия расхохоталась, запрокинув голову.

– Нет! Я имела в виду, что это наука субъективная, нет критериев правоты, достаточно сказать: я так вижу! У каждого философа своя точка опоры, разве нет? И это зависит от его образованности, обеспеченности, чувства юмора... даже от хворей. Болит живот – значит, пес-

симист и мизантроп, на раз-два докажет, что мир катится в пропасть. Любитель покушать и выпить – оптимист. Леня говорит, у вас отличное чувство юмора.

– Вы считаете, это важно для философа? – Он открыто любовался девушкой.

– Это важно для всех! Люди с чувством юмора как... – Она запнулась. – Как члены одного клуба! Свои. Вы так не считаете?

– Я бы не стал переоценивать чувство юмора, – сказал Федор. – Оппонент с чувством юмора все равно оппонент, и вы все равно пытаетесь уничтожить друг друга... С юмором.

Она кивнула:

– Наверное. У меня нет оппонентов.

Федор испытал мгновенное сожаление, что Лидия студентка. Его кодекс чести исключал роман со студенткой...

Глава 5

Трагедия

Они снова собрались у Митрича. Все пришли вовремя, как по тревоге. Пару часов назад капитан Астахов позвонил Федору Алексею и сообщил, что бизнесмен Кротов был найден сегодня утром в собственной спальне мертвым. По предварительному заключению следствия, наглотался снотворного...

– У Митрича в восемь, – сказал Федор. – Я позову Савелия. Ты... – Он запнулся, нежности между ними не были приняты. – Коля, ты же понимаешь, что он был человеком с нестабильной психикой, об этом свидетельствовали его поступки...

– До вечера! – перебил капитан и отключился.

Федор понял, как ему паршиво. Он испытывал неловкость, вспоминая, как позавчера разглагольствовал о странном поведении Кротова, иронически, снисходительно, с высоты собственных невозмутимости и неспособности чувствовать так безудержно и горько; раскладывал по полочкам его поступки и даже позволил себе слегка пошутить. А несчастный бизнесмен корчился от боли. Избави бог от такой любви, пробормотал Федор. Нам, философам, к счастью, такие страсти несвойственны. На миг он испытал сожаление и вздохнул...

...– Коля, а ты уверен, что он сам? – спросил Савелий. – Может, это грабитель? Знаешь, в одной книге жертва была левшой, а убийца не учел и что-то сделал неправильно, не помню, что именно... Отпечатки всякие... Может, Кротов тоже левша...

– Может, – буркнул капитан. – Отпечатки всякие... Савелий, о чем ты? При чем здесь левша? Он таблетками, а не ножом! Выпил целую бутылку коньяку, лежала пустая на диване в гостиной, а потом наглотался. А может, одновременно. Пустой пузырек валялся там же на полу... – Говорить Коле не хотелось, отвечать на дурацкие замечания Савелия тем более.

– Что у него в телефоне? – спросил Федор.

– Телефон растоптан, разнесен вдребезги. Тоже валялся на полу – не то случайно наступил, не то...

– А эта рыжая девушка... – не унимался Савелий, – если она была, эта рыжая девушка... Как же теперь домохозяйка?

– В смысле? – спросил капитан. – Осталась без работы домохозяйка. Жалко ее?

– Да нет... я хочу сказать... – Савелий запнулся и замолчал.

Савелий Зотов прекрасный человек и редактор, но никудышный оратор, все знают. Его нужно толковать. Федор умеет, капитан нет, терпения не хватает, да и воображения. Федор называет Савелия Дельфийским оракулом. Савелий запнулся, и теперь оба молча ждали.

Капитан не выдержал первым и спросил:

– Что сказать-то хотел?

Тот мучительно морщил лоб и продолжал молчать.

– Савелий хотел сказать, что поведение экономки выглядит подозрительно, если предположить, что... – начал Федор и тоже замолчал.

Капитан посмотрел на потолок, потом на Митрича. Вздохнул.

– ...если предположить, что рыжей женщины не существует и она лишь плод воображения Кротова, то с экономкой все в порядке, – Федор наконец оформил мысль. – Она сказала, что никого не видела. А вот если она все-таки существует, то положение экономки было бы весьма затруднительным, так как она зачем-то нам солгала. Ты это имел в виду, Савелий?

Савелий неуверенно кивнул.

– Ей пришлось бы объяснить хозяину, зачем она солгала, если бы зашла речь...

– Только в том случае, если бы он был жив! – подхватил Савелий.

– Стоп! – скомандовал капитан. – Куда вас несет? Савелий, по-твоему, экономка убила хозяина, чтобы... что?

Савелий смотрел беспомощно и молчал.

– Она не убила хозяина, – сказал Федор. – Он покончил с собой по доброй воле... возможно. Савелий имеет в виду – она не могла знать, что он покончит с собой, то есть ей пришлось бы ответить за собственную ложь. Так, Савелий? И тут возникает вопрос: зачем она это сделала?

– А если не солгала? А если этой рыжей не существует? Обыск не дал ничего. Собрали коллекцию отпечатков, включая отпечатки домработницы и Буракова – это партнер Кротова, в основном внизу, в гостиной и в кухне. Неизвестные пробили по базе, никто не засветился.

– А чьи же они? – спросил Савелий.

– В любом доме полно посторонних отпечатков. Гости, сантехник, почтальон, сосед заскочил на минутку... и так далее. В спальне – только Кротова. Как я уже говорил, постель не тронута, там никто не спал, никаких следов в ванной, на посуде в кухне только его пальчики и еще Насти. На пластиковой бутылочке только отпечатки хозяина.

Его партнер, Бураков, понятия не имеет, что у Кротова кто-то был. Говорит, тот был скрытным малым, а после смерти жены слегка слетел с нарезки. Стал истеричным, крикливым, перестал выходить на работу, запил. Все это продолжалось около года, потом Кротов опомнился и взял себя в руки. Они школьные друзья, вместе учились в институте, знают друг о друге все. Знали... Он в шоке от самоубийства Кротова, считает, что это несчастный случай. Говорит, все было нормально, никаких предпосылок, он с головой ушел в работу, всегда был трудоголиком, сидел в кабинете допоздна в отличие от Буракова, у которого жена и трое детей. Он уверен, что никакой женщины не было. Если даже и была, то это несерьезно, иначе он бы знал. Очень удивился, о какой женщине речь. Утверждает, что у них секретов друг от друга не было. Да, Кротов был скрытным, все держал в себе, но иногда делился, потому что доверял. Он лично пытался подсунуть Кротову подружек жены, но тот не велся и только вкалывал. Правда, продолжал пить, но умеренно. Экономка у него много лет, смотрела за ним, как за малым ребенком.

– Кто наследник? – спросил Федор.

– Бизнес отходит Буракову, а все остальное разным благотворительным фондам и детскому дому, где он вырос. Он детдомовский. Точно он не знает, нужно смотреть завещание. Вроде разговоры были, но давно. Родных у Кротова нет. Приличные бабки, около четырех объектов недвижимости, коллекции картин и монет... Вместе набегает нехило.

Они помолчали. Митрич прикатил дребезжащую тележку с бутербродами и литровыми кружками пива. Лицо у него было расстроенным.

– Ребята, это правда, что Кротов застрелился?

– Наглотался снотворного и не проснулся, – сообщил Савелий. – Вчера вечером или ночью.

– Господи! – ахнул Митрич. – Неужели такая любовь? Или случайно?

Ему никто не ответил. Вздыхая, Митрич стал разгружать тележку.

– Она должна прийти на похороны! – вдруг сказал Савелий. – Не может не прийти... Когда его хоронят? Надо дать объявление в «Лошади». Мы все пойдем!

– Mamочка сказала, что ее тоже убили, – сказал Митрич. – Ищи, кому выгодно.

– Мы даже не уверены, что она была, – заметил Федор. – Никаких следов.

– Как это? До сих пор ничего не нашли? – поразился Митрич. – Если ее убили, то надо проверить все убийства за последнее время...

– Зачем ее убивать? – спросил Савелий. – Правда, он мог убить ее случайно...

– Кто? – не понял Митрич.

– Кротов! Случайно убил, а потом покончил с собой.

– А куда он в таком случае дел труп?

– Куда дел труп? Туда! – рявкнул капитан. – Может, хватит? И так голова пухнет!

Наступило молчание. Митрич закончил разгружать тележку и со скрипом ретировался.

– А может, это идеальное убийство... – сказал Савелий. – Федя рассказывал. А если ее убили...

– Никто никого не убивал. – Коля уже остыл и чувствовал неловкость за свою вспышку. – Все живы. Кроме Кротова...

– Коля, как выглядела его жена? – вдруг спросил Федор. – Ты говорил, что видел фотографию у него в спальне.

– Фотография жены? – переспросил Савелий. – Фотография жены в спальне... а как же новая подруга?

– Я не особенно рассматривал, – неохотно сказал капитан. – Сам понимаешь...

Он не закончил фразы, но Федор понял, что Коля имел в виду. Капитан вообще не придал значения истерике и соплям миллионера, как он выразился, а потому отбывал «боевое задание», полный досады и неприятия. Теперь «ест себя поедом», как любит говорить бабушка Федора. Кто же знал...

– Брюнетка, блондинка? Хоть примерно...

Капитан задумался.

– По-моему, рыжая...

Савелий ахнул:

– Значит, этой, новой, не было? Он просто тосковал о жене и выдумал рыжеволосую девушку...

Капитан промолчал, только головой покрутил.

– Как версия... – неопределенно заметил Федор.

– Гипотетически, разумеется? – В голосе капитана Астахова прозвучали горечь и сарказм.

– Разумеется, пока не доказано обратное...

– Матушка Митрича сказала, что он застрелился, – вспомнил Савелий. – А у него было оружие?

– Ружье «Зауэр» и австрийский «глок».

– Он увлекался охотой?

– Нет. Партнер сказал, что лично подарил ружье на день рождения, у него коллекция оружия, хотел увлечь Кротова. А пистолет на сорокалетний юбилей.

– Увлеч? – спросил Федор.

– Нет.

– Непонятно... – неуверенно произнес Савелий. – Тогда почему... – Он замолчал. – А патроны были?

– Были.

– А почему...

– Что почему?

Савелий сосредоточенно молчал.

– Почему он не застрелился, – подсказал Федор. – Да, Савелий?

Тот кивнул.

– Да мало ли... Боялся оружия. На ружье пыль, он к нему не прикасался, может, забыл про него. Пистолет в ящике стола в кабинете, под бумагами. После бутылки виски фантазия работает, вспомнил, что видел в кино или читал... Не знаю, Савелий. Не все могут выстрелить в себя, а наглотаться таблеток проще пареной репы, да еще после бутылки. Или ты хочешь сказать, что это доказывает случайность и непреднамеренность? Если бы выстрелил, то понятно, что убийство. А так... может, случайность. Так?

Савелий не ответил. Настроение у всех было отвратительным. Митрич сочувственно поглядывал издали и вздыхал. Время от времени приезжал со своей дребезжащей тележкой и молча расставлял бокалы с пивом и тарелки с бутербродами...

* * *

...Полная немолодая женщина протянула чаевые портье и с облегчением закрыла за ним дверь. Сбросила туфли и почти упала на диван. Подложила под спину подушку и закрыла глаза. Посидев так несколько минут, потянулась за сумочкой, порывшись, достала мобильный телефон. Набрала знакомый номер и с минуту слушала длинные гудки. Набрала другой номер – с тем же результатом. Набрала третий. Ей ответил женский голос. Секретарша после небольшой заминки сообщила, что главного нет, и попросила оставить координаты – ей перезвонят, как только он вернется. Переспросила название гостиницы...

Глава 6

Художники и философ, что общего?

Федор Алексеев по своему обыкновению просидел ночь в Интернете, собирал материал для статьи об идеальном убийстве, а утром его разбудил телефонный звонок фотографа Ивана Денисенко.

– Я пришел к тебе с приветом! – радостно заорал Иван. – Ты где?

– Дома... Который час? – пробормотал выдернутый из сна Федор. – Что случилось? Ты чего в такую рань?

– Какая, к черту, рань! Одиннадцать! Опять всю ночь работал? Одевайся! Я тут рядом, в «Буратине», пью кофий. У тебя пять минут!

– погоди, какие пять минут? Что ты...

– У меня через час фотосессия, крутой эксклюзив, хочу, чтобы ты посмотрел на чувака. Сам говорил, что ты этот... френолог! Так что давай в темпе.

– Какой френолог? – Федор окончательно проснулся. – О чем ты?

– Спец по форме черепа. Помнишь, под Новый год?

– Не помню... Не говорил я такого! Фотосессия? У Регины?

– Ну, значит, не ты. Тогда посмотришь как философ. Сессия у восковика, уломал наконец. Прямо целка, а не мужик! Тебе какой заказать?

– Эспresso, – сдался Федор, потерявший надежду продрасться через сюр Ивановых словес. – Через десять минут.

– Лады. Жду. Девушка, еще один эспresso! Через десять минут! – заключительный вопль Ивана резанул по ушам, и наступила тишина.

– Это глыба! Мэтр! Здоровенный мужик, ручищи – во! Взгляд как у этой... медузы! – Видимо, имелась в виду горгона Медуза, обращающая взглядом в камень. Иван Денисенко по своему обыкновению кричал и размахивал руками. Федор, морщась, глотал кофе. В висках бил пульс, он чувствовал себя разбитым после бессонной ночи и «выдернутости» из хрупкого утреннего сна звонком Ивана. – Неужели не слышал про музей? – удивлялся Иван. – Два года, почти три уже! Оторопь берет, честное слово, все нутро наверху, не знаю, как он это делает. Живые! Вся дрянь и подлость на роже, художник – творец! Ловит модели прямо на улице. И набрасывается. Хищник! Неужели ничего? Весь город гудит!

– Кажется, слышал, но как-то не проникся. Не моя тема.

– Увидишь – проникнешься. Это надо видеть, Федя!

– А ты тут каким боком?

– Игорек и Регина одевают кукол, я готовлю ребятам буклет, я же рассказывал. Живые модели и куклы, представляешь? Живые девушки и мертвые куклы! Мороз по шкуре! Не отличишь, вот те крест! – Иван размашисто перекрестился. – В шикарных шмотках от ребят. Сначала буклет, потом выставка, потом клип, у меня здесь уже склалась картинка... – Он постукал себя костяшками пальцев по лбу. – Представляешь, они кружатся... медленно-медленно, платья развеваются, длинные волосы, разноцветные зонтики, шарфы, руки в стороны, глаза закрыты, не то мертвые, не то живые, и вдруг взмах ресниц – и смотрят прямо на тебя! В упор! Исподлобья! И улыбка... страшная! Оскал! У всех одинаковое выражение... Зло! Тайна! Обещание! Ужас! Ожившие зомби.

– Ужас, – согласился Федор, отпивая кофе. Страшная Иванова картинка не зацепила его, это была не его тема, как он уже сказал. – А я тебе зачем?

– Говорю же, хочу, чтобы ты посмотрел на него.

– Зачем?

– Не могу понять, что это такое. Не то гений, не то злодей. Не то вместе. Сатана. Талант от дьявола, я сразу понял. Достовернее живых.

– Восковые куклы?

– Ну! Смотрят на тебя, как живые. Я поставлю между ними Владу... Помнишь Владу? Она тогда еще с подружкой пришла.

– Помню.

– Подружка хороша! Бледновата, правда. Влада поярче и просто дьявольски фотогенична. И вообще... – Иван хихикнул. – А та в твоём стиле, тебе всегда нравились тощие недокормленные доходяги.

Федор пожал плечами.

– Поверишь, не отличишь, где живая, а где кукла! Помнишь того чувака, который мордовал девушек и выкладывал фотки в инете? Мне кажется, я понял, что он чувствовал. Он тоже был творец!⁷

– А чем я... – начал было Федор, но Иван перебил:

– Посмотришь на него и скажешь, дьявол или нет. Ты сможешь, я в тебя верю.

– Я не верю в дьявола, – скучно заметил Федор. – Это вы, художники...

– Вот и прекрасно, – обрадовался Иван. – Мне нужен твой трезвый глаз.

Насчет трезвого глаза он был прав – даже на расстоянии от Ивана слышался душок вчерашнего сабантуя.

– Кто он такой? Откуда взялся? Местный?

– Нет! В том-то и дело! Никто ни хрена о нем не знает! Выполз из преисподней, не иначе. Почти три года назад появился у мэра с альбомом своих работ, уболтал дать деньги и помещение. Ты нашего Тканко знаешь, у него зимой снегу не выпросишь, а тут нате вам пожалуйста! Деньги и помещение молодежного театра, обещанное детской музыкальной школе. Зато первая восковая кукла – мэр в образе римского сенатора, в тоге, с венком на голове. И морда зверская, все нутро сверху. Это коррупция или не коррупция, я тебя спрашиваю? Или даже взятка должностному лицу? А?

– Узнать хоть можно?

– Там есть табличка.

– Как его зовут?

– Ростислав Мирона.

– Старый? Молодой?

– Лет пятьдесят. Здоровый, хмурый, бородачи до колен, ручищи – во! Не смотрит, а зыркает. Я искал ракурс, так он, не поверишь, все время дышал за спиной. Он их ревнует, особенно баб! Сидит, лепит, в подвале у него мастерская, живет на хлебе и воде. Водка, правда, приличная. Творить под кайфом самое то. Сегодня в музей выходной, он сидит в подвале, лепит. Демоны фантазии, Федя, следуют за настоящим художником. Жаль, не позволяет себя фотографировать, скромный очень. Нелюдим. Ну ничего, я его уломаю.

Федор только вздохнул...

Они заглянули в ближайший магазин. Иван загрузил в пакет всякой снеди, бутылку «Абсолюта», и они отправились на смотрины.

...Действительно, здоровенный нечесаный мужик, взгляд звероватый. Стал на пороге, молчал, зыркал. Босой, в мятой рубашке до колен и старых джинсах. Федор заметил крошки хлеба в бороде. Видимо, они прервали завтрак.

– Ростик, привет! – Иван протянул хозяину пакет. – Мы не вовремя? Я хочу походить, посмотреть, не против? Мы с тобой обсуждали. Надо прикинуть, девочка придет через пару

⁷ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Стеклянные куклы».

часов. А пока можем посидеть. Вот, философа привел, друг детства. Федор Алексеев. Федя, а это художник и скульптор Ростислав Мирона, гордость нашего города. Прошу любить и жаловать.

Федору показалось, что бесшабашный, никогда не теряющийся Иван слегка побаивается Мирону. Он протянул руку и улыбнулся. Почувствовал грубую сильную ладонь мастера, сказал:

– Много слышал о вас. Очень приятно. Алексеев. Федор Алексеев.

Мирона пристально рассматривал Федора и молчал. Но руки не отнимал. Иван кашлянул, Мирона словно опомнился. Посторонился и пошел вперед. Они за ним.

Кабинет мастера – громко сказано! Крошечная комнатуха без окон, топчан, прикрытый пледом, старое театральное кресло и небольшой столик с тарелкой с недоеденным бутербродом и чашкой с бурым остывшим чаем. Федор обратил внимание на старинный кинжал с наколотым на острие куском хлеба. Справа от стола втиснулась небольшая газовая плитка, на тумбочке рядом стоял электрочайник. Иван принялся разгружать пакет. По комнатухе поплыл запах копченого мяса и свежего хлеба. Мирона все так же молча достал из тумбочки щербатые тарелки, вилки и чашки. Иван разлил водку в чашки. Федор не посмел отказать, не желая обидеть Мирону. Скульптор вызывал у него любопытство и, пожалуй, робость. Он все время ловил на себе его пристальный взгляд, отчего чувствовал себя неудобно. Федор не стал ожидать следующей дозы и поднялся:

– С вашего позволения, я хотел бы взглянуть на экспонаты, можно?

– Конечно! – воскликнул Иван. – Иди, Федя! По коридору налево, а мы тут с Ростиком посидим, обсудим наши дела. Твое здоровье, Ростик! – Он чокнулся стаканами с Мироной, и они выпили. Роба у Ивана стала красная, язык заплетался. – Мяса, хлебушка, давай, Ростик, – приговаривал Иван, сооружая громадный бутерброд.

«А как же сессия с девочкой?» – подумал Федор, с облегчением оставляя собрание.

Он без труда нашел выставочный зал, открыл стеклянную дверь и замер, пораженный. Ему показалось, он попал в праздничную пеструю карнавальную толпу! Куклы смотрели на него, и у каждой было свое выражение лица. Женщины, мужчины...

Бывшее здание дворянского собрания, потом ряда советских учреждений, потом драматического театра, потом молодежного. Почти двухвековая история. Главный режиссер театра, Виталий Вербицкий, приятель Федора, жаловался, что у него мороз по коже от метровых стен и подвалов, там полно призраков, которые скрипят полами и воют. Молодежный четыре года назад переехал в новое современное здание, бетонную стекляшку, и по поводу переезда было устроено новоселье. Федор присутствовал. Вербицкий перебрал и пугал присутствующих страшилками про старый дом, даже крестился и сплевывал через левое плечо, а также показывал, как воет привидение...

Зал был разделен на три части двумя рядами колонн из черного мрамора с белыми прожилками, с богатой позолоченной лепниной у основания и наверху, а также на потолке: венки, гирлянды, цветы. Люстра с сотней электрических свечей, скорее для красоты, чем для пользы, воску нужны определенные температура и освещение. Стены были затянуты черной плотной тканью, отчего зал напоминал шкатулку или футляр, где хранятся драгоценные реликвии. По стенам вдавлены ниши, где когда-то стояли банкетки и кресла. Теперь там, отделенные бархатными канатами, стояли восковые куклы.

Федор переходил от одной фигуры к другой, и время от времени оглядывался – ему чудились движение и шорох за спиной, между лопатками стало жарко. Он сразу узнал мэра... Тот восседал в первых рядах, Федор наткнулся на него лоб в лоб. Действительно, как и сказал Иван, роба самая зверская и подозрительный взгляд исподлобья. Вся суть личности, прав Иван. В золотом венке на лысой блестящей голове, с багровым лицом любителя пожрать и выпить, с поднятой рукой триумфатора, в красной с золотом тоге. Живой. Федор оглянулся и

невольно сглотнул. Табличка гласила: «Император». Он усмехнулся и перешел к следующей кукле. «Балерина». Тощее жилистое существо с прямой спиной, похожее на богомола в розовой балетной пачке. Несуразное из-за слишком больших глаз, длинного носа и крупного рта лицо. Тоже местная знаменитость... Радикально черные волосы перехвачены бархатной лентой в тон. Гротеск, карикатура, насмешка, но подмечено верно. Федор рассмеялся невольно – он был знаком с оригиналом. Стелла Гавриловна по кличке Корда! Конечно! Директриса школы балльных танцев «Конкордия», балерина в прошлом. Интереснейшая личность, они сразу понравились друг другу...

Клеопатра! Куда же без Клеопатры. Громадные, обведенные сажей глаза, массивные изогнутые черные брови, ярко-красный рот и румянец на скулах, густая смуглость кожи. Всего слишком. Много золота и бирюзы, черные мелкие косички в золотых спиральках, сандалии, усыпанные камешками, – сидит в кресле, похожем на трон, согнув ноги в коленках, упираясь в них подбородком. Прищурилась, недобрый взгляд – смотрит в пространство, не иначе, замыслила подлую интригу. Опасная ядовитая райская птичка. В гибкой и тонкой фигуре чувствуется сила сжатой пружины: того и гляди, взметнется, разгибаясь, и ударит. Федор вздрагивает, заметив на спинке кресла черную в золотых ромбах змею. Две опасные непредсказуемые ядовитые гадюки. На табличке написано «Царица». Не Клеопатра, а царица. Почему? Ассоциация налицо. Похоже, мэтр не хочет держаться в историческом русле. Собственное видение? Федор задумался, спрашивая себя: что хотел сказать Мирона, выбиваясь из канонов. Какая разница между «царицей» и «Клеопатрой»? «Царица» – безлика, «Клеопатра» – реальная женщина. Надо будет спросить у Ивана, кто это. Должна быть живая модель, не может не быть, уж очень она реалистична. Было бы интересно взглянуть на оригинал.

А вот фигура вполне современная: небритый байкер в красной кожаной куртке, большой, широкоплечий, массивное лицо с выдвинутой вперед нижней челюстью, густые брови... Похож на Кинг-Конга. Руки в карманах, поза вызывающая, правое плечо вперед. Что же в них не так, вдруг подумал Федор, всматриваясь в грубое лицо экспоната. Он вспоминал кукол мадам Тюссо... Те другие. Спокойные, узнаваемые, несмотря на безликость, безукоризненные и мертвые. А эти... Статика! Именно! Те статичны. Эти – живые. Те – парадные портреты, эти реальны, и даже в обилии золота и украшений не производят впечатления штучарства, в каждой фигуре что-то глубоко личное... Как это сказал Иван: «Он вытаскивает из них нутро», или как-то так. Иван – тонкая натура, подмечает мельчайшие нюансы, судит как художник. Даром что пьяница. А что видит он, Федор? Иван позвал его для окончательного диагноза, как философа, для ответа на вопросы: «Как он это делает? И что он вообще такое?» Ивану непонятно, от бога или от дьявола обломился Мироне дар...

...Алхимик в черном колпаке и черной мантии, лицо фанатика-аскета: нахмурен, сжатый рот, впалые щеки, лоб испачкан сажей; в длинном завитом парике; углубился в чтение свитка, который держит перед собой обеими руками... Не читает, а вчитывается, уставившись в текст с безумным видом. Никак поиски философского камня...

Федор усмехнулся. Коллега в каком-то смысле. Представил себя в колпаке и мантии, как он заходит в аудиторию, а его встречают восторженные вопли студиязов...

На стойке рядом с мастером – колбы с ядовитыми разноцветными растворами, металлические инструменты – щипцы, клещи, скальпель, скребки; над горелкой продолговатый запаянный сосуд с бурой жидкостью с выходящими из него трубками; грязные лужи на поверхности стойки. Федору показалось, что нос его учуял едкий запах химикатов.

Он шел дальше. Полная женщина с багровым самодовольным лицом... Что там полная – толстуха! В белом мужском пиджаке с огромными плечами, сидит в кресле, выпрямив спину, руки на подлокотниках. Хозяйка. Сбоку стоит длинный тощий негр, тоже в белом, с желтым шарфом вокруг шеи. Контраст разителен: туша женщины с мрачной багровой физиономией и тонкий гибкий негр с яркими белками скошенных на спутницу глаз и насмешливой ухмылкой

ярко-красного рта. Его рука с неестественно длинными пальцами в кольцах, с ногтями, покрашенными сиреневым лаком, лежит на плече женщины. Регина Чумарова и Игорек Нгелу Икеара, зачатые партнеры и совладельцы дома моделей «Икеара-Регия», друзья Федора – собственными персонами. Как живые. Даже живее. В их лицах можно читать, как в книге. Хабалка Регина, грубая, нахальная, прущая напролом, и иезуит Игорек, удачное дитя двух рас, хитрый, насмешливый, охотник-масаи с выдержкой слона, игрок, с которым Регине тягаться не под силу. Сосуществуют на одной территории, зорко наблюдая друг за дружкой, выбирая момент, чтобы «достать» противника и всадить в него жало. И самое удивительное, этот симбиоз рождает удивительной красоты образцы стиля и моды, а в одиночку, увы, оба проигрывают. Федор кивает им, удерживаясь от желания потрепать Игорьку по плечу. Надо будет позвонить ребятам, сказать, что восхищен сходством... и вообще. Видел, мол, и проникся. Оба относятся к нему трепетно и всегда ему рады...

Он резко остановился перед зловещей фигурой в черном балахоне с протянутой прогибающейся рукой: поленья костра, белый волк. Саломея Филипповна собственной персоной. Хороша! Смотрит на Федора с ухмылкой, словно говорит: «Что, философ, не ожидал?» Ожидал, мысленно отвечает Саломее Филипповне Федор. С самого начала знал, что ведьма. Разве такое скроешь?⁸ Надпись на табличке: «Колдунья».

Федор вздрагивает, услышав сзади хриплое тяжелое дыхание, оглядывается и шарахается в сторону. Мирона наклоняется, протягивает руку и включает «костер». Раздается шум моторчика, и в воздух взлетают языки пламени; красные блики пляшут на лице и в глазах ведьмы...

Они смотрят друг на друга. Мастер и философ. Федор отводит взгляд первым. Он чувствует себя ничтожной букашкой, которую рассматривает под микроскопом спец по насекомым. Странное неуютное и неприятное чувство, никогда прежде им не испытанное.

Издалека слышен голос Ивана – он громогласно приветствует девушку Владу, явившуюся на фотосессию...

⁸ Читайте в романе И. Бачинской «Ночь сурка».

Глава 7

Поиски смысла

Вдруг взорвался айфон Федора, лежащий на столе у компьютера, и он вздрогнул. Взглянул на часы – они показывали четыре утра. Звонил фотограф Иван Денисенко.

– Философ, спишь? В такую ночь? – Ивана, похоже, распирало от восторга. Кроме того, он был изрядно пьян. – Выйди на балкон, посмотри, какая луна! Помнишь, песня такая была, сто лет назад. «Посмотри, какая луна»... Сейчас! Гварде ке люна! Помнишь? Классика! Какой-то итальянец пел. Про любовь и про море. Тото, вроде.

Песню Федор помнил. Иван заревел дурным голосом, страшно фальшивя. Споткнулся и замолчал.

– Что-то случилось? – скучно спросил Федор. Общаться с нетрезвым Иваном ему не хотелось. Настроение после посещения музея было на нуле. Перед глазами у него стояло напряженное лицо Мироны, рождая смутное беспокойство, природы которого Федор объяснить не мог.

Иван оборвал пение.

– Луна, говорю, сумасшедшая. А ты чего? Работаешь? Или спал? Как тебе мастер? Человечище! Личность! Скажи?

– Личность. Ты знаешь, который теперь час?

– Уже светает, мой юный друг. Бледная луна заходит и прячется в дебрях, уступая место... э-э-э... рассвету. Я в парке. Выходи, Федя! Посмотрим вместе на восход солнца. Река... с ума сойти! И небо уж бледно, и краски... э-э-э... тоже с ума сойти. Я вышел пофоткать. А воздух! М-м-м! Полный штиль, даже птички молчат. Выходи, философ!

– Я уже сплю, – соврал Федор.

– Не свисти, ты сидишь в компе, я тебя знаю! – обличил Иван. – А то я сам сейчас, хочешь? Настроение пацанское! Хочется жить, творить и любить. Прыгать в прорубь! У меня скоро персональная выставка, Мишаня Кротов, мой дружан, обещал подкинуть. Классный мужик! Я тебе говорил.

– Михаил Кротов? – встрепенулся Федор. – Строительный бизнес?

Вот это поворот!

– Ну! Знаешь?

– Знаю. Я сейчас выйду. Жди на террасе.

– Жду! – обрадовался Иван. – Давай!

Спустя двадцать минут Федор обнаружил спящего фотографа на террасе с видом на реку. Тот громко храпел, свесив голову на грудь. Расчехленная камера лежала на скамейке рядом. Федор сел, рассматривая спящего Ивана. Тронул его за плечо. Иван не отреагировал. Федор нажал сильнее. Иван открыл глаза, поплямкал губами и недоуменно уставился на Федора.

– Федя? Ты, это... Который час?

– Четыре сорок пять.

– Четыре? – Иван повел вокруг мутным взглядом. – А где люди?

– Четыре утра.

– Утра?! Какого хрена! Нич-ч-чего не понимаю! – сказал он с чувством. – А ты тут как?

– Ты позвонил и предложил встретить вместе рассвет, помнишь?

– Не очень. И ты вышел?

– Как видишь.

– Ага, вижу. Водички нету? Сушняк проклятый давит.

– К сожалению, не подумал. Тут недалеко круглосуточный универсам, пошли, купим.

– Ага, пошли. Ты только посмотри, какой сумасшедший восход! Это же сюр какой-то, чес-слово! Краски! Воздух! Река... Смотри, туманчик! Теплая... Господи, это же с ума сойти! А народ спит и ни хрена не видит! Федя, я поработаю, посиди пока.

– А вода?

– Черт с ней! Потерплю.

– Ладно, – решил Федор. – Работай, я схожу в лавку.

– Ой, спасибо! – обрадовался Иван.

Федор вернулся через двадцать минут с двухлитровой бутылкой минеральной воды. Иван щелкал камерой, перевесившись через парапет. Федор окликнул, Иван резво обернулся. Схватил бутылку, припал. Пил, обливаясь, постанывая от наслаждения.

К изумлению Федора, фотограф выпил всю воду, утерся и упал на скамейку:

– Спасибо, Федя. Век не забуду.

– Что там у тебя за выставка? – приступил к делу Федор.

– Какая выставка? Осенний альбом?

– Нет, ты говорил – в художественной галерее. Упоминал, что есть спонсор...

– Миша Кротов! Есть! Классный мужик, понимающий. Я его учил держать камеру...

– Вы дружите?

– Спрашиваешь! Даже ночевать у него оставался, когда меня один псих с топором искал, приревновал к супружнице. На две-три ночи.

– А его жена не против?

– Жена... – Иван громко вздохнул. – Нет жены, Федя. Умерла четыре года назад, царствие ей небесное, хорошая была женщина. С тех пор Миша один.

– Один? Молодой, здоровый, успешный – и никого? Верится с трудом. Должна быть подруга, ты просто не в курсе. – Федор испытывал неловкость, давя на Ивана, и оправдывал себя только тем, что старается для пользы дела.

– Какая подруга? – Иван воззрился удивленно. – Нету у него никакой подруги! До сих пор помнит Ленку. Да у него на баб времени нет! Замыслы, планы, голова кругом. Финансовый гений! Миллионер! Хотя... – Иван задумался. Федор молчал, ждал. – Я его с месяц не видел, может, и завелась. С другой стороны, я приводил к нему барышню от Регины, красотка редкая, а он не повелся, вульгарная, говорит, и глупая. Как пацан малолетний, честное слово. Интеллект ему подавай!

– Иван, тут такое дело... – Федор прикидывал, как сказать про смерть Кротова.

– Федя, что случилось? – Иван неожиданно трезво взглянул на Федора. – Не крути! А то и в парк вышел, и вопросы всякие... Ну? В чем дело?

– Иван, Кротов умер. Позавчера. Подозревают самоубийство.

– Как умер?! – Потрясенный Иван вскочил, уставившись на него. – Я же с ним разговаривал по телефону... когда? Три дня назад! Что значит умер? Не мог он умереть! О чем ты, Федя? Может, однофамилец?

– Михаил Андреевич Кротов, строительный бизнес, живет в «Октавии»...

– Он! Миша Кротов... Ничего не понимаю! Как это? Говоришь, самоубийство? Какое, на хрен, самоубийство! Не верю! Не тот человек! Боец! Как?

– Сядь, – Федор похлопал рукой по скамейке. – Поговорим. Как? Наглотался таблеток. Нашли утром в постели.

– Это же... – Иван упал обратно на скамейку. – Федя, что же это творится? Уму непостижимо! Почему самоубийство? Может, случайность?

– Может, но не думаю. Поверь, это была не случайность.

– Но почему?! Мы с ним так хорошо посидели пару недель назад... Что-то с бизнесом?

– Нет. С бизнесом все в порядке. Понимаешь, Иван...

– Ну! Неужели баба?

- Как будто.
- Ни за что не поверю! Он все еще помнит Лену, какая, на хрен, баба! Откуда? Я бы знал.
- Ты сказал, пару недель назад... Точно не помнишь, когда? И где?
- У него дома, я принес показать работы. А когда... – Иван задумался. – С месяц будет, в середине июля должно. А кажется, совсем недавно. Никакой бабы не было, он бы сказал!
- Она вскоре появилась. Случайная встреча в парке, приезжая, бездомная, он предложил ей пожить у себя...
- Бомжиха? Ты чего, Федя? Я знаю Мишку, он аристократ, он бы не потащил к себе первую встречную...
- Она приехала к своему парню, а тот исчез. Она сидела в парке и плакала. Так они познакомились, ну и...
- Подожди, откуда дровишки? – Иван, прищурясь, уставился на Федора. – Ты его знал?
- Нет. Несколько дней назад он пытался подать заявление об исчезновении этой девушки...
- В каком смысле заявление?
- В прямом. В полицию. После двух недель в его доме она исчезла. Он рассказал о ней моему бывшему коллеге, а тот мне. Любовь с первого взгляда, женщина его мечты, красавица, умница... Капитан Астахов, мой бывший коллега, прошелся по дому, осмотрелся и не нашел никаких следов пребывания в доме Кротова женщины. Позвонил его домоправительнице, она очень удивилась и сказала, что никакой женщины у них в доме не было. Деловой партнер Кротова тоже ничего о ней не знает.
- Чертовщина какая-то... – изумленно пробормотал Иван. – А соседи? Охрана? Хоть кто-то ее видел?
- Нет вроде.
- Так что же это получается... Была она или не была? Или фантом?
- Пока рано говорить. Мы не знаем. Хотя...
- Миша не такой мужик, чтобы вот так с ходу влюбиться, – сказал Иван. – Он осторожный, скупой на эмоции, очень спокойный. Я бросаюсь как в омут головой, ты... – Иван оценивающе взглянул на Федора, – по обстоятельствам, а Миша нет! Не тот человек. Его что, сглазили? Приворот?
- Он говорил, что она необыкновенная, что это любовь до гроба... – Федор осекся. – Рыжая, с длинными волосами и очень белой кожей...
- Лена была рыжая с очень белой кожей. Ты хочешь сказать, что он слетел с катушек? Галлюники? Белочка? И ее в реале не было? Он не пил, Федя! Разве что иногда, как все.
- Партнер сказал, что у него возникли проблемы после смерти жены, но последние три года он был в порядке. Не похоже, чтобы пил. Ты ничего такого не замечал?
- Я? Говорю же, он не пил. Пьяницу завсегда видать. Нормальный мужик. Образованный. Много читал, дома целая библиотека. Еще чего-то там собирал, много ездил... Мы сидели на заднем двореке, трепались за политику и еще всякие городские сплетни. Как водится, принимали слегонца, для настроения. – Федор невольно усмехнулся, прекрасно зная «слегонца» Ивана. – Сделал себя сам, детдомовский. – Иван беспомощно умолк. – Не знаю, Федя, – сказал после паузы. – Ничего не соображаю. Ты меня просто убил. Бедный Мишка...
- Они помолчали. Потом Федор спросил:
- Как называется твоя выставка?
- Выставка... Теперь уже и не знаю, – с горечью произнес Иван. – Задумка всей моей жизни. Почти готова. Отдельные работы печатались раньше, теперь собрал в кучу. «Тлен и прах» называется...
- «Тлен и прах»? О чем? Кладбища?
- Нет, свалки.

Идеи у Ивана были престранные. Федор помнил его выставку «Прощание», несколько лет назад получившую первую премию в Торонто. Тогда же состоялось их знакомство. С черно-белых фотографий на зрителя смотрели одичавшие уродливые деревья в заброшенных садах, перекошенные деревянные хибары, провалившиеся ступени, ветхие изуродованные временем резные наличники и остатки ставней... Еще двери! Заросшие паутиной, намертво вросшие в тело стен, никуда не ведущие. Трагичные, отжившие, никуда не ведущие двери. И слепые разбитые оконца. Тупиковость и безнадежность. Отжившая эпоха. Отболело, отстрадалось...

Федора поразил контраст между жизнерадостным краснолицым пьяницей Иваном и глубокой скорбной печалью черно-белых снимков. После такого невольно задумаешься о бренности...

– Ты не представляешь, Федя, какой это пласт, – потряс головой Иван. – Чего там только нет! Искалеченные, отслужившие, брошенные вещи. Скелеты вещей... Мебель, поломанные куклы, одежда, битая посуда. Осколки цивилизации, культурный слой. То, что остается после нас. Однажды я нашел там голубой парик и лиловую бархатную блузу с кружевами, даже перламутровые пуговички были на месте. Отсырела, выцвела, лет сто, не меньше. Разлезлась у меня в руках. Несправедливо все это...

– Что несправедливо?

– Все, Федя. Все несправедливо. Жизнь. То, что человек не знает своего срока. Получается, ты не субъект, а объект. Марионетка на веревочке, и тебя дергают, причем в самый неподходящий момент. Только ты расслабился, настроил планов, почувствовал себя гением, даже влюбился, а тут тебя и... – Иван прищелкнул языком. – И фантомы всякие лезут вдобавок. Чистый сюр.

– Время разбрасывать и время собирать... – неопределенно заметил Федор.

– Вот и Мишка! В расцвете, состоялся, планы, а тут его и дернули. Эх, жизнь-жестянка! – Иван пригорюнился. Сидел, сгорбившись, уставившись в землю. Федор хотел сказать, что «не дернули», а свободный выбор, но вместо этого спросил, желая отвлечь Ивана:

– Как фотосессия у Мироны?

– Нормально, – не сразу отозвался Иван. – Влада хорошая девочка, пластичная, послушная. Мечтает работать у Регины. Ей бы поменьше рот открывать...

– Мирона – личность, ты прав, – Федору была неинтересна Влада, его больше интересовал «восковик».

– Личность. Он спрашивал про тебя. Подозреваю, хочет увековечить. Как тебе его работы? Мы толком и не поговорили...

– Впечатляют. Даже не ожидал. Насчет нутра ты прав, все на лице.

– Именно! – оживился Иван. – Проникает в суть. Думаешь, он демон?

Федор рассмеялся:

– Талант, скорее. Иначе всякий гений – демон.

– Или ангел. Мирона точно демон. Знакомых встретил?

– Встретил. Саломея Филипповна в виде ведьмы...

– Попал в точку! Ведьма и есть. До сих пор, поверишь, как вспомню... – Иван поежился. – Еще?

– Директриса школы балльных танцев...

– Корда! Знаю. Работал с ними. Уникальная женщина. Была знакома с Нуриевым, представляешь?

Федор кивнул.

– Байкер тоже ничего. Это реальный персонаж или фантазия автора?

– Реальный. Костя Рахов. Был, в смысле.

– Был?

– Погиб в прошлом году. Представляешь иронию, Федя? Сбит какой-то гребаной тачкой! Всю жизнь на колесах, на скорости, в авариях, вылетал с трассы, весь переломанный, и в итоге аминь под колесами! Выходил вечером из ресторана, и такая лажа...

– Нашли, кто?

– Не нашли. Мы пересекались два года назад, я делал серию с областных гонок. Отличный чувак был, из железа. В прямом смысле тоже, всякие скобки и стержни в костях. С чувством юмора, что удивительно. Обычно у этих ребят с юмором плоховато. Шутил, что из восковой куклы потомки отольют памятник в случае чего. Одних жен пять штук и детей немерено... – Иван тяжело вздохнул.

– Алхимик тоже ничего, – поспешно заметил Федор, выдергивая Ивана из нулевого состояния.

– О господи! – воскликнул Иван. – Я и забыл! Это же Миша Кротов! Он дал Мироне денег, и тот в благодарность его слепил. Просил пару часов, Миша отказал, терпеть не мог выставляться, да и время западло тратить на всякую хрень. Так, поверишь, Мирона повадился к нему на работу, а потом работал по памяти. Выпросил у меня фотки и слепил. Получилось похоже, но не шедевр, средненько. Но суть, между прочим, ухватил офигенно! Алхимик, ученый, мыслитель... Я затащил Мишу посмотреть, он долго стоял, рассматривал, потом говорит: «Неужели у меня такая перекошенная рожа? И глаза выпученные?» Мы еще поржали. Бедный Миша! – Иван помолчал. Потом сказал с тоской: – Пошли накатим, Федя, а то жить ни хрена не хочется. Тут недалеко суточный подвальчик, неплохое бухло и бармен знакомый. Помянем Мишу...

Глава 8

Дом самоубийцы и разные вопросы

*В нашей несуществующей сонной душе все застывшее всхлипнет и
с криком проснётся. Вот окончится жизнь...
Сергей Юрский. Все начнется потом...*

Федор притормозил. Охранник, сверив номер с записью в компьютере, кивнул, и полосатый шлагбаум стал медленно подниматься.

Он без труда нашел дом под номером четырнадцать. Это была белая двухэтажная вилла в южном стиле, что в наших широтах смотрелось необычно. Низкое крыльцо с колоннами, галерея, тянущаяся вокруг второго этажа с широкими арочными проемами – в них стояли терракотовые вазоны с белыми и лиловыми петуниями, – и красная черепичная крыша с литым коньком. Окна отражали солнечный свет, отчего казались черными дырами в белых стенах. На крыльце и колоннах лежала голубая тень. Федор постоял немного, рассматривая дом, потом поднялся на крыльцо. Скрежетнул ключ, и дверь открылась. На него пахнуло прохладой и сыростью.

Прислушиваясь, он стоял посреди обширного холла. Было очень тихо. Тишина, казалось, звенела тонким комариным писком. Федор подумал, что пустые дома узнаются по пронизывающей их безжизненной тишине, по горьковатому запаху тлена и по особой сосредоточенной и задумчивой печали пустоты. Они затаились, прислушиваются и ждут чего-то.

Ему почудился шелест шагов где-то наверху, он вздрогнул и прислушался. Шелест не повторился. Не иначе девушка-фантом. Иван назвал исчезнувшую девушку фантомом... Красиво.

Федор оглянулся. Неровный, каменный, гранатовый с серыми прожилками пол с маленькими золотыми медальонами-вставками между плит, деревянные темно-коричневые панели, черная металлическая люстра чуть не с сотней лампочек, стилизованных под свечи на длинной цепи, – до нее можно было дотянуться рукой. В центре – круглый стол на одной ножке с синей-белой китайской вазой. Федору казалось, он попал в музей дизайна жилища, и сейчас перед ним один из залов. Интересно, мелькнула у него мысль, кто оформлял интерьер... Или Кротов придумывал все сам? Не забыть спросить у Ивана. Удивительно, что тот не упомянул об этом. Если так, то Кротов был не только успешным бизнесменом, но еще и интересным художником.

Большая кухня, светло-серая мебель, серые под кожу обои, розовый мрамор пола. Небольшая картина в золотой рамке: анютины глазки в низкой белой вазе. Металлический холодильник под потолок. Вряд ли здесь готовили еду. Здесь только пили кофе и смотрели в окно на лужайку...

Большое окно, поднятые жалюзи. Никаких тряпок, пусто и холодно. Через окно виден вымощенный камнем задний дворик, белый плетеный столик и четыре таких же кресла, вокруг кусты, жасмин, кажется. На столике забытая синяя чашка. Об этом дворике упоминал Иван. Все на месте, только хозяина больше нет.

Гостиная поражала размерами и тоже казалась пустой. Высокие потолки, стеклянная стена с дверью, выходящая на лужайку. Кожаные диваны и кресла цвета темного шоколада; темно-красный бухарский ковер с его узнаваемым узором; десятка два восточных ковровых подушек разных размеров и форм на диванах и креслах. Картины. Яркие пятна, последователи импрессионистов, пейзажи в основном. Сочная зелень, синее море, разноцветная толпа. Масло. И снова Федора поразила точность и любовь к деталям – здесь не было случайных вещей, все было выверено, стильно и солидно. Коричневая кожа, багрово-красный бесценный

ковер, яркие пятна картин; даже сочная зелень лужайки, казалось, была произведением живописца.

На стене – плазменный телевизор для небольшого кинотеатра, музыкальный центр, в длинном шкафчике коллекция дисков – классика в основном. И фильмотека. Федор просмотрел наскоро: старый Голливуд, в основном фильмы с Гретой Гарбо, Кэри Грантом, Вивьен Ли, Марлоном Брандо. Но есть и новые. В другом ящике два альбома с фотографиями. Федор положил их на журнальный столик, решив оставить на закуску.

Выходя из гостиной, оглянувшись, невольно сравнивая дом Кротова с собственной однокомнатной квартирой в большом доме и спрашивая себя, хотел бы он здесь жить. Много света и пустоты. Нет соседей. И еще что-то... Он затруднился со словом. Стоял на пороге, думал. Безжизненность? Холод? Ни брошенного пледа, ни упавшего журнала, ни тарелки с крошками пирога. Он представил, как Кротов приходит каждый вечер домой, аккуратно вешает в шкаф в прихожей плащ, моет руки в ванной, идет в кухню и включает кофеварку. С чашкой кофе идет в гостиную, пустую и холодную. Включает телевизор, выбирает кино. Смотрит в десятый раз культовый «Виктор/Виктория», «Танцы под дождем», «Ниночку», «Звуки музыки», «Царство небесное»...

Потом моет чашку, ставит в сушилку и отправляется в пустую холодную спальню. Принимает душ, ложится, складывает руки на груди, закрывает глаза и погружается в сон. Перед этим принимает снотворное.

Все. Занавес. Ритуал. Порядок. Гармония. И вдруг в его жизни появляется девушка-фантом. Как камень в болото. И – прощай, ритуал, порядок и гармония. Какая гармония, если в итоге смерть... Хотя как посмотреть – смерть в известном смысле тоже гармония.

Была ли, не было ли...

Федор вздыхает.

...На втором этаже три спальни и две ваннные комнаты. В двух спальнях задернуты шторы, чувствуется, здесь давно никого не было, в третьей, хозяйской, шторы открыты и видна знакомая яркая лужайка. Массивная рыжего дерева кровать, темно-зеленое атласное покрывало. На тумбочке слева цветная фотография в серебряной рамочке. Смеющаяся молодая женщина в белом платье, по плечам выющиеся рыжие волосы. Жена Кротова Елена...

В ящике футляр с очками, носовые платки, зарядное устройство для мобильного телефона, пластиковая ручка, пачка аспирина.

Тумбочка с другой стороны кровати совершенно пуста. Как и сказал капитан Астахов, ни волоска, ни конфетного фантика...

Ванная комната выдержана в бело-голубых тонах: мужской купальный халат, полотенца, коврик у ванны. Большое зеркало. Лосьоны, бритвенный прибор, зубная щетка в хромированном стаканчике. Федор открывает дверцу шкафчика: всякие мелочи, щетки для волос, пенки для бритья. Ничего из того, что могло бы принадлежать женщине.

Лестница, которой он вначале не заметил, вела на чердак. Недолго думая, Федор поднялся туда. Наверху под крышей была небольшая комната, скупо обставленная. Стол, два кресла, софа, телескоп с трубой, направленной в круглое окно в скате крыши. Федор приткнулся к окуляру и тут же отшатнулся от ослепительной голубизны, ударившей в глаза...

Нигде никаких следов присутствия женщины. Ровным счетом ничего. Равно как и в спальне. И в гостиной. И в кухне.

Ни-че-го. Ровным счетом.

Кабинет. В отличие от гостиной, скромные размеры. Книжные полки во всю стену, поднятые жалюзи, никаких тряпок, та же зеленая лужайка. Классика отечественная и зарубежная. Много детективов. Книги и альбомы по архитектуре и дизайну. Массивный темного дерева письменный стол, серебряный стакан с отточенными в классической традиции простыми карандашами, которыми никто никогда не пользовался. Серебряная фигурка дракона

с развернутыми крыльями, приземлившегося на россыпь бледно-сиреневых аметистовых кристаллов. Одинокая забытая красная компьютерная мышка. Все, что представляло хоть малейший ключ к разгадке смерти Кротова, изъято и изучается криминалистами. Ни на что не надеясь, по инерции, Федор открыл поочередно дверцы тумб большого письменного стола. Аккуратно сложенные бумаги, папки, блокноты...

В небольшом шкафчике две фотокамеры. Пустые. Федор вспомнил слова Ивана о том, что он учил Кротова держать камеру...

...Он подтянул к себе один из альбомов. Рыжая женщина. Жена Елена. Счастливая, смеющаяся, почти всюду в белом. Даже зимой в белой норковой шубке...

И что же это было, спросил себя Федор? Галлюники, как сказал Иван? Тоска по утраченной любви? Алкоголь? Фантом? Или... что?

Зайдем с другой стороны. Кому выгодно? Партнеру... как его? Бураков! Он получает бизнес. А что? Нашел похожую на Елену девицу, подсунул Кротову...

Кви продест? Кому выгодно? Кто выгодополучатель? Взять за горло. Опросить знакомых, возможно, кто-то видел его в компании рыжеволосой – этого Буракова. Походить за ним с неделю. Она должна была получить плату за проделанную работу. Деньги уходят быстро, а Бураков у нее в руках. Можно попросить добавки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.